

Александр Рудазов

Рассказы из правого ботинка

При написании этой книги
не пострадал ни один гоблин.

Александр Валентинович Рудазов

Рассказы из правого ботинка (сборник)

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=163910

Рассказы из правого ботинка: Альфа-книга; Москва; 2007

ISBN 978-5-9922-0007-2

Аннотация

Существует тема, на которую писателям говорить не любят. А именно – откуда же все-таки берутся идеи и сюжеты? Обычно либо отбредиваются, что просто выдумывают все сами, либо начинают заливать о некоем вдохновении, приходящем свыше.

Но истина состоит в том, что ни один писатель вообще ничего не пишет сам. Тут работают совсем другие существа. Например, мне часть книг продиктовал жуткий тип в желтой маске, часть намурлыкал котенок с золотой цепочкой на шее, а рассказы, вошедшие в этот сборник, сочинил маленький зеленый гоблин, живущий в моем правом ботинке. Он часто что-нибудь такое выдумывает – а я внимательно слушаю и записываю. В левом ботинке у меня тоже живет гоблин – но его я не слушаю. Он такую хрень городит...

Содержание

Профессор Гадюкин	5
Машина, записывающая сны	5
Искусственный мозг	26
Гости с Центавра	43
Ревизия	78
Вычеркнуть невозможное	105
Новая метла по-новому метет	135
Гигантский боевой робот	156
Конец ознакомительного фрагмента.	173

Александр Рудазов

Рассказы из правого ботинка

Истории эти, о мой добрый читатель, все без исключения доподлинно правдивы, и ни в одной нет ни малейшей толики вымысла. Однако они – лишь малая, крохотная частичка того, что можешь ты услышать, поставив подпись вот на этом пергаменте...

Носящий Желтую Маску

Мяу-мяу-мяу-мяу, мяу-мяу-мяу-мяу, мяу-мяу-мяу-мяу... чего?! Я кот, сука, чего ты от меня хочешь?!

Кот Баюн

Пс-ст, парень!.. Иди сюда!.. Не хочешь немного историй? Самые лучшие, без обмана!

Гоблин из левого ботинка

Профессор Гадюкин

Машина, записывающая сны

Такси остановилось у белоснежного забора. Дальше водитель ехать отказался, туманно ссылаясь на какой-то запрет. До будки охранника Попову пришлось идти пешком.

Охранник долго и придирчиво рассматривал приглашение и документы, время от времени задавая уточняющие вопросы. Фотографию он изучал так пристально, что Попова так и подмывало предложить воспользоваться микроскопом.

Однако он все же удержался – судя по роже, этот парень вряд ли оценит остроту.

Адрес, указанный в приглашении, разместился за пределами города, в стороне от любого жилья. Да и система безопасности внушает уважение – кругом колючая проволока, на каждом шагу камеры слежения, у всех дверей суровые секьюрити, вооруженные до зубов.

Что же такое происходит в этом институте, ради чего нужны такие меры?

Вывеска на воротах ничего особенного не сказала. НИИ «Пандора». Подобное название может означать что угодно – от парфюмерии до бактериологического оружия.

– На четвертый этаж и направо, – наконец вернул доку-

менты охранник. – К профессору Гадюкину?

– Ага, – невнятно буркнул Попов. – А что?

– Да ничего... – как-то странно скривился охранник. –

Удачи...

Начало как-то не слишком обнадеживает. Попов впервые пожалел, что отозвался на это объявление. Однако деньги нужны позарез, а заплатить обещали щедро.

До следующей зимы еще далеко, до этого времени нужно на что-то жить...

Изнутри загадочный институт оказался ничуть не симпатичнее, чем снаружи. Сплошь белый кафель, запах хлорки и мертвая тишина. Ее нарушает только тихое жужжание двух автоуборщиков, равнодушно надраивающих и без того стерильный пол. Их оператор на миг поднял глаза от эль-планшетки, не обнаружил в пришедшем ничего интересного и вернулся к своему занятию.

Здесь, внутри, охраны не заметно. Но десятки камер наблюдения по-прежнему не отрывают от Попова холодных взглядов. Можно не сомневаться – стоит этому электронному Аргусу заметить хоть что-нибудь предосудительное, пустынные коридоры в момент заполнятся сердитыми дядьками с большими пушками.

Найти кабинет профессора Гадюкина оказалось не слишком сложно. Во-первых, потому что «кабинет» обернулся огромным комплексом, занимающим почти половину этажа – при всем желании мимо не пройдешь.

Во-вторых, на двери написано: «А. М. Гадюкин».

– Можно?.. – постучал Попов, почему-то гадая, как расшифровываются инициалы. Александр Михайлович?.. Анатолий Матвеевич?.. Антон Моисеевич?..

– Фамилия? – скупающе отозвалась секретарша, неохотно сворачивая эль-планшетку.

– Попов.

– Секунду... да, вам назначено. Вы ведь по объявлению?..

В ту дверь.

– Да, я по объявлению... но я... я бы хотел... – замялся Попов. – Я бы, собственно... сначала... уточнить... узнать...

Секретарша молча развернула эль-планшетку и отгородилась ею от докучливого посетителя. Попов несколько секунд постоял, но когда молчание стало совсем уж неловким, все-таки отправился туда, куда указали.

Там нашелся еще один коридорчик – совсем коротенький, заканчивающийся очередной дверью. Попов открыл и ее... и с трудом удержался от дикого крика. На него уставилась кошмарная харя – свиное рыло, десяток глаз разного размера, щупальца вместо волос...

И если бы еще всего одно! Нет, по меньшей мере двадцать жутких страшилищ! Словно очутился в ночном кошмаре!

Попов почувствовал, как ноги стали ватными, почувствовал, как от лица отхлынула кровь, и от души порадовался, что мочевого пузыря совершенно пуст – иначе конфуз был бы неизбежен...

Собственно, он до сих пор остался на ногах только потому, что еще не решил – сбежать ли ему или все-таки брякнуться в обморок? Рука сама собой полезла в потайной карман, но там, разумеется, оказалось пусто – до зимы-то еще далеко...

– Вы ко мне, батенька? – вдруг раздалось возле самого уха.

Голос прозвучал совершенно мирно, дружелюбно. Попов медленно повернул голову – ему добродушно улыбнулся седенький старичок в белом халате. Среднего роста, полноватый, румяный, на самой макушке – аккуратная лысина. Совершенно обыкновенный старичок.

Именно поэтому среди этого паноптикума он смотрелся особенно сюрреалистично.

– Профессор Гадюкин? – с трудом выдавил из себя Попов.

– Правильно, батенька, правильно! – обрадованно затряс его руку старичок. – А вы ведь ко мне, да?

– А... да... а... а это... это что за?.. – обвел свободной рукой творящийся кошмар Попов.

– Ох, простите, батенька, виноват! – расплылся в лучезарной улыбке профессор. – Забыл выключить, забыл! Ничего, не беспокойтесь, сейчас мы их прижучим!..

Залихватским ковбойским жестом профессор выхватил из кармана какой-то пульт и резко утопил одну из кнопок. Раздался тихий треск, и все чудища мгновенно испарились.

– Голограммы, и только-то!.. – рассеянно отмахнулся Гадюкин, отвечая на немой вопрос Попова. – А ведь натураль-

ные, а?.. Перепугались чуток, батенька?

– Да я ж... япона мать...

– Да-да, все в первый момент пугаются, – закивал профессор. – Последнее слово техники, батенька...

Попов отер пот со лба. Ужасно захотелось хлопнуть дверью и уйти, даже не прощаясь. Шуточка Гадюкина ему совершенно не понравилась.

Но он вспомнил про обещанное вознаграждение, вспомнил о накопившихся счетах и все же сделал над собой усилие.

– Профессор, а что я должен буду... – начал он, но запнулся на полуслове. – Э-э-э, профессор?..

– Да, батенька? – дружелюбно посмотрел на него Гадюкин.

– Вы, кажется, одного выключить забыли... вон там, слева.

– Где?.. А, нет, не волнуйтесь, это не голограмма. Это мой ассистент. Лелик, поздоровайся с гостем!

– Ар-га!.. – прорычал Лелик.

Попов снова почувствовал, как кровь приливает к лицу. Ассистент Лелик, возможно, выглядел и не таким чудищем, как та свинья харя с десятком глаз, но отставал не слишком сильно. Горбатый, но исполинского роста – два с половиной метра, не меньше. Кожа грубая, шершавая, глазки крошечные, надбровные дуги странно искривлены, нижняя челюсть огромная, выдающаяся вперед, лоб скошенный, ноздри вывернуты, как у гориллы.

А бицепсы! Создается впечатление, что этот детина всю жизнь питался исключительно стероидами – до такой степени его раздуло во все стороны. Белый медицинский халат на Лелике смотрится исключительно нелепо – больше бы подошла шкура мамонта.

– Не обращайтесь внимания, – ухватил Попова за локоть профессор Гадюкин. – Конечно, внешне Лелик не слишком привлекателен, и дикция у него немного неразборчивая, но, поверьте, это не ассистент, а настоящее золото! Лелик!

– Ху-Га?..

– Настрой агрегат и проверь питание!

– Ры-ху, Ху-Га! – рявкнул великан, начиная копаться в переплетении проводов.

– «Ху-Га» – это он так меня называет, – смущенно улыбнулся профессор. – У бедняги язык, нёбо и гортань изуродованы – не может говорить членораздельно... Впрочем, к его речи быстро приноравливаешься – нужно только чуток тренировки, вот и все!.. Сущие пустяки! Хотя вы-то вряд ли успеете, вы же у нас только до завтра... Ну так что, батенька, приступим? Время у нас не казенное!

– Профессор, я, собственно, хотел бы уточнить... нет, я, конечно, в общих чертах знаю, но все-таки... к чему приступим?..

– А вам что, не объяснили? – искренне удивился профессор. – Ну, батенька, у меня уж, простите, времени нехватка... Вот здесь вот подпишите...

– А что это? – машинально расписался Попов.

– Ваше обещание не предъявлять претензий, если в результате эксперимента вы станете инвалидом или скончаетесь... – рассеянно ответил Гадюкин.

– Что?!

– Шутка! – хлопнул его по плечу профессор. – Просто ваше согласие на эксперимент. Не волнуйтесь, батенька, все совершенно безопасно. По моим расчетам, вероятность летального исхода составляет всего два процента... ну сами подумайте, что это за число – два процента?..

– Летального исхода?!

– Опять шутка! – совершенно по-детски захолопал в ладоши Гадюкин. – Простите уж старика, батенька, люблю, знаете ли, этак огорошить кого-нибудь... А вы-то, небось, думаете, раз ученый профессор – так сразу бездушный сухарь, и не улыбнется никогда?.. Ладно, теперь серьезно. В объявлении говорилось – перед приездом сутки не спать. Сутки – это двадцать четыре часа. Соблюли?

– Конечно... Вон, даже сейчас зеваю... – действительно не удержался от зевка Попов.

– Ничего, ничего, сейчас отоспитесь! – захолопал профессор, снова выхватывая свой пульт. – Сейчас мы вас устроим поудобнее, сейчас... Пойдемте, батенька, пойдемте...

Гадюкин ловко подхватил Попова под локоток и, не давая ему опомниться, повлек в соседнюю лабораторию. Там тоже

кругом оказался белый кафель и пахло хлоркой.

А еще – три одинаковых агрегата, похожих на хрустальные гробы. Только густо увитые проводами и шлангами непонятного предназначения. В двух крепко спят люди – у одного на лице играет улыбка, второй морщится и подергивается. К вискам подопытных прилепились крохотные присоски, глаза прикрыли металлические чашечки, но этим их контакт с машинами и ограничивается.

– Позвольте ваш пиджачок, батенька, – любезно предложил профессор. – Давайте, вот сюда, в шкафчик его, никто его не возьмет, не беспокойтесь... Раздевайтесь и ложитесь.

– Профессор, все-таки, что это все такое?.. – нетерпеливо спросил Попов.

– Батенька, мне некогда разъяснять каждый пустяк... – рассеянно ответил Гадюкин. – Время дорого. Раздевайтесь и ложитесь.

– Профессор, но я бы хотел...

– Не надо упрямяться, батенька, – дружелюбно подтолкнул его Гадюкин. – А то позову Лелика, он вас силком уложит...

– Профессор!..

– Шутка! – расплылся в счастливой улыбке Гадюкин. – Но все равно – раздевайтесь и ложитесь. Быстренько.

Попов продолжил переминаться с ноги на ногу, подозрительно поглядывая на «хрустальные гробы». Рука так и тянется к потайному карману. Гадюкин вздохнул, посмотрел

на стенные часы, почесал нос и задумчиво сказал:

– Ну ладно, батенька, я вам сейчас вкратце объясню. Это – «Морфей», экспериментальная стационарная биосканирующая установка, считывающая излучение коры головного мозга во время углубленного сна и отображающая визуальный ряд, наблюдаемый объектами.

Попов моргнул, наморщил лоб и неуверенно спросил:

– Чего?

– Это машина, записывающая сны, – сократил определение профессор. – Теперь понятно?

– Сны?.. И... и как это все будет?.. Я просто лягу...

– ...а она выведет ваш сон вот на этот вот экранчик, – ткнул в крохотное окошечко профессор. – Вы батенька, уснете, как только я прикреплю контакты, и будете спокойно почивать ровно двенадцать часов. Мы вас погрузим в особо глубокий сон, и все двенадцать часов вам будет сниться одно и то же сновидение... Так проще. А потом проснетесь, получите свои две тысячи и пойдете домой. Само собой, подписка о неразглашении – мы тут, батенька, все-таки не жвачку с карбонитом испытываем... Раздевайтесь и ложитесь.

– А эти двое?..

– Да, тоже подопытные, – кивнул Гадюкин. – Вот этот – уже десятый час, его мы скоро будим. Этот пока только четыре часа, ему еще долго. Хотите посмотреть, что им снится?

– А можно?

– Отчего же нет... – щелкнул своим многофункциональ-

ным пультом Гадюкин. – Впрочем, у этого вы сон уже видели...

Попов дернулся и с трудом удержался от крика – вокруг него вновь выросли ожившие кошмары. Профессор молча указал на потолок – тот оказался усеянным шишечками голографических проекторов, передающих изображение прямо в лабораторию. И до такой степени натуральное...

До сего дня Попов и не подозревал, что голография уже способна на такую реалистичность.

– Вот так вот, батенька... – убрал «чудовищ» Гадюкин. – Кошмар бедняге видится, не повезло... Зато у второго подопытного все в порядке – думаю, он не возражал бы даже чуток продлить сеанс...

По нажатию кнопки лабораторию опять наполнило множество фигур. Но на сей раз они не вызвали дрожи в коленях – совершенно наоборот. У Попова глаза вылезли из орбит – ему показалось, что он перенесся в гарем какого-нибудь восточного владыки. Этот сон оказался с «декорациями» – кроме десятка обнаженных девушек в комнате объявился фонтан, причудливая мебель, дерево...

– Недурно, а?.. – услышался голос профессора со стороны фонтана. – Ну что, батенька, вы удовлетворены или посмотрим еще пять минуточек?..

– У!.. – с трудом выдавил из себя Попов, исступленно шаря в потайном кармане. – А!.. У!.. Профессор, а вон та девушка... что с ней такое?.. Почему она не целиком?..

– Вот эта?.. – сделал шаг Гадюкин. – Все с ней в порядке. Не забывайте, батенька, мы тут видим то же самое, что видит в данный момент подопытный, но под другим углом – вот некоторые объекты немного и... не в форме. Встаньте вот здесь... да, да, вот сюда... и чуток наклонитесь. Теперь вы видите то же, что и он.

– А, понятно... – все еще неуверенно кивнул Попов. – Профессор, а... а нельзя в эту картинку снег добавить?.. Как бы... для красоты чтобы...

– Нельзя. А теперь – раздевайтесь и ложитесь, – нетерпеливо подтолкнул его профессор, выключая проекторы. – Учтите, что потерянное время нам никто не оплатит.

Попов крайне неохотно проследовал к свободному ложу. В лабораторию с трудом протиснулся огромный Лелик, невнятно взрыкнул, снял боковую панель с агрегата и начал там что-то переключать.

– Еще подписать вот здесь и здесь, – сунул Попову бумагу профессор, пока тот устраивался поудобнее. – И еще вот здесь. А здесь – число проставьте. Ну и вот тут последнюю роспись – как бы для ровного счета чтобы...

Ложе оказалось жестким и холодным. А запах хлорки почему-то усилился еще больше. Попов поворочался, безуспешно пытаясь найти позу, в которой было бы приятно заснуть, но в конце концов сдался. Гадюкин деликатно сделал ему инъекцию, прикрепил к вискам контакты, зафиксировал веки крохотными зажимами и ловко прыснул в оба глаза из

крохотной спринцовки.

– Это что?.. – поморщился Попов.

– Для увлажнения глаз. Вы не будете моргать двенадцать часов, батенька... – рассеянно ответил профессор, поворачивая тумблер и доставая «наглазники». – Готовы?

– Минуточку... да, готов. Включайте.

– Ну что ж, батенька, приступим... – коснулся сенсора Гадюкин.

– Профессор, а... а как... как ваше имя-отчество?.. – неожиданно вспомнил Попов.

– Аристарх Митрофанович, – ответил Гадюкин. – Спокойной ночи, батенька...

– Минуту, профессор! – вдруг приподнялся на локте Попов. – Это что же – вы увидите мой сон?! Так же, как те?!

– Конечно, батенька, конечно... Не переживайте, за стены этой лаборатории он не выйдет. Все между нами.

– Нет, постойте! Я... я так не согласен!.. не согласен!.. Уберите свои присоски, я... я... я... я...

– Поздно спохватились, батенька!.. – ласково пропел профессор Гадюкин.

Но Попов этого уже не услышал. Он крепко спал.

Мирно текли часы. За окнами стемнело, и профессор Гадюкин зажег свет. Подопытный, которому снились кошмары, благополучно проснулся, был осмотрен, получил еще одну инъекцию вкуче с честно заработанным чеком и был выпро-

возможен восвояси. На миг профессор задумался, как тот доберется домой в столь поздний час, но быстро об этом позабыл.

Ассистент принес из буфета поднос с ужином. Точнее, семь подносов – один профессору и шесть себе.

Лелик никогда не жаловался на аппетит.

Гадюкин неторопливо поужинал, сыграл с Леликом партию в шахматы (тот, как всегда, выиграл) и вновь приступил к работе. Развернув эль-планшетку, он вывел на нее показатели приборов, включил микрофон и начал надиктовывать:

– Одиннадцатое апреля две тысячи сорок четвертого года. Проект «Морфей», эксперимент сорок три. Объект – мужчина тридцати трех лет. Состояние тела – удовлетворительное. Загрязнены легкие – много курит. Удален аппендикс. На мизинце левой руки свежий порез. Все показатели в норме, в состоянии углубленного сна введен успешно, идет считывание излучения. Краткое описание сновидения...

Профессор вывел на эль-планшетку изображение сна Попова. Начал было диктовать, но тут же замолчал и нахмурился. Ассистент, убирающий со стола, подошел поближе, взгляделся в картинку и утробно рыкнул. Крошечные глазки недоуменно сощурились.

– Да, Лелик, такого мы пока не видели... – согласился профессор. – Хотя сны, конечно, бывают и более дикие... Только что-то очень уж правдоподобно...

– Ру-ур?

– Возможно, возможно... Ну, это мы сейчас проверим...

Профессор Гадюкин вывел большую голограмму, сделал несколько снимков с разных ракурсов, развернул сразу шесть экранов эль-планшетки и приступил к поискам. Ассистент тоже развернул эль-планшетку и начал отправлять запрос за запросом.

Через час профессор оторвался от работы, грустно вздохнул, коснулся сенсора коммутатора и попросил:

– Мила, душенька моя, окажите любезность, пригласите ко мне Эдуарда Степаныча.

– Сию секунду, профессор, – проворковала секретарша.

Эдуард Степанович появился в лаборатории уже через пять минут, жуя на ходу бутерброд с тунцом. Глава службы безопасности НИИ «Пандора», как всегда, выглядел опрятным и невозмутимым, всем своим видом демонстрируя, что пока он здесь, ничего страшного не произойдет.

А если и произойдет, то тоже ничего страшного.

– Добрый вечер, профессор, – спокойно кивнул он. – Что у вас тут стряслось? Из вивария кто-нибудь сбежал?

– Да типун вам на язык, батенька, – добродушно ответил Гадюкин. – У нас тут, собственно, закавыка вообще не по нашему профилю... Думаю, полицию надо вызвать... но лучше вы сначала сами посмотрите.

– Посмотрим, – пожал плечами Эдуард Степанович, усаживаясь на вращающийся стул. – А как тут у вас вообще дела, профессор? Все сны пишете?

– Пишу, пишу, батенька... – рассеянно закивал Гадюкин.

– Может, мне тоже попробовать? – с интересом посмотрел на спящих Эдуард Степанович. – Любопытно, должно быть... Как, профессор, возьмете меня в подопытные?

– Пока не стоит, батенька. У нас тут еще не все до конца отлажено – все еще сохраняется двухпроцентный шанс летального исхода... Пока что бог миловал, но чем черт не шутит? Два процента – это, конечно, ерунда, но все-таки...

– Летального исхода? – нахмурился Эдуард Степанович. – Профессор, а вы жертв... подопытных предупреждаете? Нам тут судебное разбирательство ни к чему...

– Конечно, предупреждаю! – обиделся Гадюкин. – За кого вы меня принимаете, батенька? Вот, смотрите – все предупреждены, все подписались, что в случае чего претензий не будет... Все чисто. К тому же я на всякий случай подбираю одиноких, бессемейных – ну так, на всякий случай... Если что – не хватятся...

– Профессор!..

– Шутка! – залился смехом Гадюкин. Впрочем, глаза у него остались серьезными. – Вы, Эдуард Степаныч, лучше вот сюда взгляните... Вот это сновидение вам странным не кажется?

Профессор щелкнул пультом и лаборатория в очередной раз наполнилась голограммами – цветными, объемными и движущимися. Эдуард Степанович бросил на них единственный взгляд и невозмутимо вынес вердикт:

– По-моему, самая обычная порнография. В восточном

стиле.

– Ох, простите старика, батенька, это я перепутал, – поморщился Гадюкин, выключая один сон и включая другой. – А вот насчет этого что скажете?

Сновидение Попова заставило брови Эдуарда Степановича поползти вверх. Но он тут же сделал над собой усилие и вернул их на место.

– Да, необычный сон, – согласился главбезд. – Я так понимаю, этому гражданину снится, что он убивает женщину?.. ножом?.. Да, фантазии нездоровые... Но криминала я тут не вижу – мало ли что кому снится?

– Нет-нет, батенька, дело совершенно не в этом! – поспешно замахал руками Гадюкин. – Начнем с того, что не женщину, а женщин. Во множественном числе. Вот, сейчас я откручу...

Профессор произвел несколько манипуляций и перед Эдуардом Степановичем последовательно прошли семь разных женщин – и всех их убили с удивительным зверством. Менялись и декорации – четырежды это происходило в темном переулке, дважды – в лесу, один раз – возле какого-то сарая. Но одно каждый раз оставалось неизменным – снег, лежащий под ногами.

– Вам это ничего не напоминает, батенька? – постучал пальцами по столу Гадюкин.

– Кажется, что-то знакомое... секунду... секунду... – развернул свою эль-планшетку Эдуард Степанович. – Хм. М-да.

Быть не может...

– Боюсь, так, батенька, – грустно кивнул профессор. – Я уже проверил, сомнений быть не может... Все эти дамы – жертвы Снегохода...

Снегоходом пресса прозвала серийного убийцу, действующего в Москве и Подмосковье уже шестой год. На нем успело повиснуть свыше сорока трупов – все женщины, все приняли смерть от ножа, все изуродованы до неузнаваемости.

Кличку «Снегоход» маньяк заполучил за то, что выходил на охоту исключительно зимой. Весной, летом и осенью он не подавал признаков жизни, как будто отправляясь в отпуск... но стоило выпасть первому снегу, как у него открывался очередной сезон.

Полиция рыла носом землю, но Снегоход оставался неуловимым.

– Может, просто совпадение? – с сомнением поджал губы Эдуард Степанович. – Может, этот гражданин просто читал про Снегохода? В газете. Или в новостях видел. Мало ли как бывает?..

– Вряд ли, батенька, – помотал головой Гадюкин. – Взгляните, какая детальность. Все совпадает до мелочей. Вот, смотрите – Ярдарова Маргарита, убита в декабре сорок третьего. На теле одиннадцать ножевых ранений – и именно столько нашему подопытному и снится. Он тычет ножом именно туда, куда тыкал наяву. Точь-в-точь, тютелька в тютельку. Откуда он мог об этом узнать? Такая информация в

свободном доступе не валяется...

– А у вас она откуда, профессор? – хмыкнул Эдуард Степанович.

– Батенька, у меня все-таки высший допуск, мне на любую базу данных можно... – приятно улыбнулся Гадюкин. – Мы тут все-таки не жвачку с карбонитом испытываем...

– Ладно, допустим. Так, может, этот гражданин сам из полиции или еще откуда? Помню, когда я в ФСБ служил, вел одно такое дело – три дня потом кошмары снились...

– Нет-нет, исключено, – покачал головой профессор. – Первым делом проверил. Совершенно никаким боком не причастен. Константин Попов, две тысячи одиннадцатого года рождения, москвич, образование среднее, от службы в армии освобожден из-за убеждений...

– Откосил, короче? – хмыкнул Эдуард Степанович. – Да, помню, когда я военкоматом руководил, у нас там каждый второй «косарь» на убеждения напирал – я пацифист, я пацифист! Плесень, а не люди...

– Батенька, опять вы на своем коньке? – пропел Гадюкин, не переставая приятно улыбаться. – Что делать-то предлагаете?

– Не похож он на серийного убийцу, – задумчиво осмотрел спящего Попова главбез. – Малахольный какой-то.

– Да, мне он тоже показался рохлей, – согласился Гадюкин. – Но вам ли, батенька, не знать, как редко маньяки бывают похожи на маньяков... Выглядели б они, как вон Ле-

лик, насколько б полиции работа облегчилась...

Эдуард Степанович сердито поморщился, развернул эль-планшетку, включил коммутирующий режим и начал сразу четыре разговора – два речевых и два письменных. Пальцы старого службиста так и порхали над виртклавом, правый зрачок гонял курсор от иконки к иконке, губы непрестанно шевелились, раздавая распоряжения.

Высокопоставленные служащие НИИ «Пандора» пользуются очень и очень немалыми полномочиями.

– Сожалею, профессор, – устало вздохнул он через несколько часов. – Мы еще поищем, конечно, но, боюсь, тут у нас пшик. Его проверили по всем каналам, час назад обыскали квартиру, просмотрели досье всех знакомых... Зацепиться не за что. Даже ножа не нашли – только обычные кухонные...

– Что ж вы так, батенька... – огорчился профессор. – Я вам тут, можно сказать, все на блюдечке преподношу, а вы даже успех развить не можете... Ай-яй-яй. Если бы я тоже так работал, не было бы у меня Нобелевской премии!

– Профессор, так у вас ее и так нету, – странно посмотрел на него Эдуард Степанович.

– Шутка! – ничуть не смутился Гадюкин. – Ну да ничего, батенька, еще не вечер! Нету – так будет!

Эдуард Степанович неопределенно хмыкнул, прошелся по лаборатории и вперил в Попова пристальный взгляд.

Тот улыбался во сне.

– Ничего не могу поделывать, профессор, – мрачно подытожил главбезд. – Ни один суд не примет в качестве доказательства сон. Тем более, официально вашей машины пока еще не существует – миф, выдумка, ничего больше.

– Знаю, батенька, очень хорошо знаю... Выходит, придется нам про все это забыть?

– Выходит, придется. Советую вам стереть эту запись и сделать вид, что никакого Попова у нас никогда не было, а о Снегоходе вы вообще ничего не слышали. Мы с вами ничего не видели и не слышали, запомните.

– Всенепременно, батенька, – пообещал профессор, надевая резиновые перчатки и доставая иньектор. – Лелик, поддай-ка мне капсулу... ты знаешь, какую...

– Ру-га, Ху-Га! – прорычал великан, протягивая Гадюкину крохотный цилиндр.

Пока профессор заряжал иньектор, Эдуард Степанович внимательно изучил бумаги, подписанные Поповом, спрятал их за пазуху, сделал скучное лицо и отвернулся.

Гадюкин развернул эль-планшетку, включил микрофон и добродушно продиктовал, одновременно нажимая на поршень иньектора:

– Двенадцатое апреля две тысячи сорок четвертого года. Проект «Морфей», эксперимент сорок три окончился неудачей. Несмотря на все принятые меры, подопытный скончался. Смерть зафиксирована в ноль три часа пятьдесят две минуты. Конец записи.

Порой два процента – это не так уж мало.

Искусственный мозг

Эдуард Степанович откусил кусок бутерброда с сервелатом, вышел из лифта, повернул направо и остановился перед табличкой «А. М. Гадюкин».

– Доброе утро, Мила, – кивнул он секретарше, входя внутрь. – У себя?..

– Сами не видите? – отстраненно махнула рукой та.

Действительно, из-под двери струился сизый дымок и слышалось глухое бурчание ассистента Лелика. Эдуард Степанович вспомнил, как это горбатое страшилище впервые появилось в НИИ «Пандора», и невольно усмехнулся.

Что ни говори, подобное случается нечасто...

– Доброе утро, профессор, – вошел в лабораторию главный, проглатывая последний кусочек бутерброда. – Чем заняты?

– Паяю, батенька, – дружелюбно ответил Гадюкин, с удовольствием вдыхая миазмы расплавленного олова.

– Что паяете?

– Просто паяю. Меня это успокаивает. Да вы присаживайтесь, батенька, присаживайтесь, я уже заканчиваю, – отложил паяльник Гадюкин. – Чай, кофе?

– Чаю, если нетрудно, – сделал выбор Эдуард Степанович.

– Нетрудно, нетрудно. Лелик, сделай Эдуарду Степанычу чайку.

– Ру-га! – прорычал Лелик, возясь с чайником. Почти трехлитровый сосуд в его ручищах выглядел совсем крошечным. – Ху-гу?..

– Две ложки, – ответил Эдуард Степанович, доставая из кармана завернутый в фольгу бутерброд с ветчиной. – А что, профессор, какие творческие планы? Над чем сейчас корпите?

– А у меня сейчас, батенька, как раз никаких творческих планов нету, один только творческий простой. Проект «Центавр» уже год не движется, проект «Цирцея» зашел в тупик, проект «Морфей» окончен и передан в бюро, проект «Зевс» признан бесперспективным... Вот разве что с «Бронтом» пока неясность...

– Вот как? – положил ногу на ногу Эдуард Степанович, отхлебывая горячий чай. – О, эвкалиптовый?

– Ур-гу!

– Да, спасибо, Лелик. А что, профессор, не примете ли тогда небольшую задачку? Раз уж вам все равно нечем заняться...

– Опять проблемы с УТР? – нахмурился профессор. – Я же целый месяц с ними работал!

– Нет, поинтереснее. Помните, на той неделе Кремль с дружеским визитом посещал американский президент?

– Я не так уж внимательно слежу за политическим небосклоном, батенька... но раз вы так говорите, то, должно быть, это правда, – не стал спорить Гадюкин. – А что? Вам

снова нужен клон президента?.. Так сейчас сделаем! У меня еще с прошлого раза матрица осталась! Лелик, разогревай синтезатор!

– Нет, нет, больше не нужен. Сейчас нам нужен ИИ. Ну, искусственный интеллект...

– Благодарю, батенька, я знаю, что такое ИИ. Да, задача интересная, давно подумываю взяться... А зачем он вам вдруг понадобился?

– Смешная история... Видите ли, ребята из Силиконовой Долины уже три года разрабатывают настоящий искусственный мозг – точь-в-точь, как человеческий... только искусственный. Они уже вот-вот закончат. И когда в Кремле окончилась официальная часть и начался банкет, Блэкуэлл этим похвастался. Точнее, он весь банкет только об этом и говорил. Наш президент в конце концов не выдержал и предложил на пари, что один его ученый начнет работу с нуля, но все равно сумеет создать такой мозг быстрее и лучше. Догадайтесь, кого он имел в виду, профессор.

– Президент в меня верит! – важно задрал подбородок Гадюкин. – А я за него даже не голосовал.

– Э, профессор, вы же не думаете, что кто-то действительно подсчитывал эти бумажки? По-моему, половину урн даже не стали вскрывать... Так вы беретесь или отказываетесь? Не забываете, у них фора в три года...

– Три года? – расплылся в улыбке Гадюкин. – Да ладно вам, батенька, эти мелко-мягкие никогда не умели работать

шустро! Дайте мне три дня, и я вам сварганю такой мозг, что вся планета обзавидуется!

– Три дня? – усомнился Эдуард Степанович.

– Шутка! – хитренько усмехнулся профессор. – Нет, батенька, за три дня, конечно, трудненько будет... Недели две потребуется, не меньше...

– Хм-м... – все еще недоверчиво посмотрел на него главный.

Конечно, он уже не раз убеждался, что профессор Гадюкин порой способен выкинуть такое, что вся научная общественность потом хватается за голову и вопит: «как, КАК он это сделал?!». Вот только результат обычно сильно отличается от того, что задумывалось изначально...

– Ступайте, батенька, ступайте, возвращайтесь через две недели, – замахал на него профессор, разворачивая эльпланшетку и включая коммутатор. – Лелик, подготовь лабораторию, разогрей большой конвертер и свари кастрюлю какао! Мила, душечка моя, окажите любезность, пригласите ко мне Бульбу, Иванова, Коростелева, Мартиросяна, Отрубянникова, Прилипко, Русиновича, Снергиенко и Хрюкина. Устроим консилиум.

Эдуард Степанович улыбнулся одними губами и вышел. Машина завелась – теперь профессор будет работать как проклятый. Не факт, что он действительно сумеет создать искусственный мозг, но что-то он во всяком случае создаст.

Или взорвет лабораторию – это он тоже любит.

Ровно через две недели Эдуард Степанович снова перешагнул порог лаборатории Гадюкина. Секретарша Мила сосредоточенно выдувала пузырь из жвачки и его появления даже не заметила.

Профессор тоже не заметил – он был занят. С прошлого раза в лаборатории все очень переменялось – ученые сволокли в одно место целую кучу самых разных приборов и инструментов.

Сам Гадюкин в данный момент управляет крошечной центрифугой, время от времени тихо ругаясь на непонятном языке. За соседними пультами стоят Снергиенко и Русинович. Из лаборатории слева тянет едкой щелочью – там работает Мартиросян, ведущий гальванотехник. Из лаборатории справа слышится писк и треск – там трудится Бульба, специалист по УКВ.

Судя по всему, ученые профессора только-только закончили что-то отмечать – на столе громоздится дюжина пустых бокалов из-под вина.

Правда, бутылки почему-то отсутствуют.

Один из бокалов оказался полным. Эдуард Степанович поднес его к лицу и с сомнением посмотрел на содержимое – похоже, не вино, а какой-то коктейль. Сизовато-белый, с пряным запахом. Главбез задумчиво наклонил бокал – жидкость медленно потекла к краю. Очень-очень медленно.

– У-гу! – рявкнул неожиданно выросший над плечом ас-

систент. Он резко выхватил этот странный коктейль и бережно поставил его на стол. – А-га, Ху-Га!

– Спасибо, Лелик, – кивнул Гадюкин, отрываясь от своей центрифуги. – Добрый день, батенька. Вы что же – выпить это собирались? Неосмотрительно с вашей стороны, знаете ли...

– Да нет, посмотреть только... – пожал плечами Эдуард Степанович. – А что это, профессор? Коктейль, что ли?

– Коктейль?.. Что ж, можно и так сказать... Это, батенька, видите ли, и есть тот самый мозг, который вы мне заказывали. Вот он, голубчик, плещется... Еще чуть-чуть поработаем, окончательно доведем до ума и можно демонстрировать обществу...

– Аристарх Митрофаныч, у меня концентрат кончается! – крикнул Мартиросян из соседней лаборатории.

– Ступай-ка, Лелик, помоги Левону Акоповичу, – вежливо подтолкнул ассистента Гадюкин. – О чем мы тут с вами говорили, батенька? Давайте пройдем в комнату отдыха, не будем мешать товарищам...

В комнате отдыха оказалось накурено, кругом валялись бычки, а пепельницу плотно оккупировал Отрубянников. Он поминутно запаливал очередную сигарету, раздраженно разгонял табачный дым и тыкал отверткой в нечто, когда-то бывшее голографическим проектором. Время от времени рассеянный ученый путал руки и тогда во рту оказывалась отвертка, а в недрах проектора – сигарета.

– Нет, знаете, батенька, лучше, пожалуй, в смотровую, – предложил Гадюкин, разворачиваясь на пороге.

По крайней мере, смотровую еще никто не занял. Правда, на прозекторском столе устроился вскрытый обезьяний труп со срезанной макушкой, но ни Гадюкин, ни Эдуард Степанович не обратили на него внимания. Профессор торжественно поставил на стол бокал с искусственным мозгом и сложил руки на животе, глядя на свое детище с искренним восторгом.

– Так это и есть искусственный мозг? – вежливо спросил главбезд. – А почему он жидкий?

– Не жидкий, а студенистый, батенька. Гелеобразный. Так, знаете ли, проще оказалось – видите, какой маленький получился? Изящный такой, аккуратненький... А делали бы из металла – получился бы шкаф размером со спортзал... Помните, какими были самые первые компьютеры?

– Боюсь, не имею возможности – я тогда еще не родился. Но вам лучше знать. А почему он в бокале для вина?

– А потому что бокалов для искусственного мозга наша стеклодувная промышленность пока что не производит, – развел руками профессор. – Ничего не поделаешь, батенька, пришлось работать с тем, что есть.

– Ладно, допустим. А можно... м-м-м... посмотреть его в действии? – пощелкал пальцами Эдуард Степанович.

– Конечно, батенька, смотрите. Он прямо сейчас в действии.

Главбез чуть приподнял брови. Гель в бокале выглядит точно так же, что и минуту назад. Ни малейшей активности.

Эдуард Степанович пристально вглядывался минуты две, но так и не заметил ничего хоть сколько-нибудь выдающегося.

– Профессор, а в чем выражается его... действие? – наконец спросил он. – Что он вообще делает?

– Как что? – удивился Гадюкин. – Это искусственный мозг, батенька, и делает он то, что и положено любому мозгу! Думает!

– Это само собой. Но о чем он думает?

– Да мне-то откуда знать, батенька? – пожал плечами профессор. – Сами понимаете, определить это затруднительно – телепатия антинаучна...

– Вот как? Профессор, а разве не вы в прошлом году занимались проектом «Мнемозина», пытались найти способ читать мысли?..

– Да, но я же его так и не нашел! – гневно засопел Гадюкин. – А это значит, что телепатия антинаучна. Иначе я бы ее непременно открыл!

– Хорошо, хорошо, профессор, как скажете. Но вы же понимаете – я не могу появиться перед президентом с этим студнем в бокале. Мне нужно что-то зримое...

– А это чем вам не зримое, батенька? – ласково пропел профессор, любуясь своим гелеобразным творением.

– Вы понимаете, что я имею в виду.

– Конечно, батенька, конечно... Само собой, проект «Мир» еще нужно довести до ума...

– «Мимир»? – приподнял брови Эдуард Степанович. – А почему не из греческой мифологии?

– Там все подходящее уже занято. Вы, батенька, приходите еще через пару недель – мы тут все закончим...

– Аристарх Митрофанч, не помешаю? – вошел Коростелев. – Каркас и манипулятор готовы, можно переходить к подстройке. Алфей Нодарович и Федор Александрович уже готовы – ждем только вас.

– Сию секунду, батенька, – потер пухлые ладошки Гадюкин. – А вы, батенька, ступайте, ступайте. Возвращайтесь еще через две недели...

Прошло еще две недели. Эдуард Степанович уже в третий раз переступил порог лаборатории Гадюкина. Там опять все переменялось – часть приборов исчезла, вместо них появились другие, а щелочью больше не пахло.

Только хлоркой, как и во всем институте. По невыясненным причинам этот запах витает во всех помещениях без исключения уже много лет. Завхоз воюет с ним, как с самым злейшим врагом, но никак не может вытравить.

И его это ужасно раздражает.

Пол почему-то оказался залитым водой. Великан Лелик неуклюже орудует шваброй, только еще больше разводя грязь. На столе, поджав ноги, сидят Русинович и Мартиро-

сян – дуются в карты на щелчки.

Судя по распухшему лбу Мартиросяна, он проигрывает.

– Ру-ба-гу! – проревел Лелик при появлении Эдуарда Степановича.

– Спасибо, – кивнул главбезд, направляясь в комнату отдыха.

Там клубился сизый дым. Хрюкин, Иванов и сам профессор Гадюкин курили без устали, время от времени отправляя в форточку очередной бычок.

Завхоз постоянно ругался, что безалаберные профессора замусорили ему весь двор, но те не обращали внимания.

– Добрый вечер, батенька, – помахал рукой Гадюкин. – Ну что, готовы взглянуть на наше творение?

– Конечно. Все готово?

– Спрашиваете, батенька, спрашиваете! Все готово, все в порядке! Знаете, мы ради интереса трансплантировали наш искусственный мозг обезьяне. Все равно лежала без дела – надо же было ее к чему-то приспособить...

Эдуард Степанович очень медленно повернул голову, безуспешно пытаясь переварить услышанное.

– Что-что вы сделали, профессор? – очень тихо переспросил он.

– Шутка! – залился радостным смехом Гадюкин. – Ну что же вы, батенька, ко всему так серьезно? Уже и не пошутить с вами! Пойдемте, покажу ваш заказ...

При виде искусственного мозга, мирно лежащего на сто-

ле, Эдуард Степанович вздохнул с облегчением. Профессора сделали ему прозрачный каркас, подключили камеры, микрофоны и антенны, голосовой синтезатор, гибкий манипулятор и еще множество устройств загадочного предназначения.

Выглядит все это не слишком впечатляюще – словно компьютер, собранный кружком «Юный Самоделкин», – но, похоже, работает.

Манипулятор искусственного мозга не бездействует – сортирует крошечные винтики, раскладывая по размеру. За процессом внимательно следит профессор Прилипко, что-то отмечая в развернутых окнах эль-планшетки. Иногда мозг ошибается, манипулятор роняет винтик или кладет в неправильное отделение – тогда Прилипко вносит исправления.

При появлении Гадюкина и Эдуарда Степановича крохотная линза, установленная на каркасе, слегка повернулась, а из динамиков прозвучал приятный мягкий баритон:

– Здравствуйте, профессор. Рад вас видеть.

– Здравствуй, Альберт, – ласково ответил Гадюкин, садясь за стол. – Чем занимаешься?

– Мы учимся различать предметы по размеру. Это интересно.

– Он делает успехи, Аристарх Митрофаныч, – доложил Прилипко. – Почти перестал ошибаться.

– Очень хорошо, батенька, продолжайте. Альберт, познакомьтесь с Эдуардом Степановичем – это он нам тебя заказал.

– Рад с вами познакомиться, Эдуард Степанович, – отве-

ТИЛ МОЗГ.

– Взаимно... Альберт, верно?.. Вы дали ему имя, профессор?

– Сами посудите, батенька, не может же разумное существо не иметь имени? – улыбнулся Гадюкин. – К тому же он сам его выбрал.

– В честь Эйнштейна?

– Кто такой Эйнштейн? – перебил его мозг. Эдуарду Степановичу показалось, что в голосе машины звучит тревога. – Я неоригинален? Это имя уже занято? Я постарался выбрать необычное.

– Мы пока не подключали его к Паутине, – прошептал Гадюкин. – Стараемся обучать постепенно, не перегружать, не обрушивать слишком большую лавину информации, так что он еще многого не знает. Но учится очень быстро – две недели назад Альберт вообще не мог говорить, а неделю назад разговаривал, как роботы из старых фильмов. Помните?.. А теперь, сами видите, уже начинает формироваться личность...

– Профессор, а когда он будет готов для демонстрации на публике?

– В принципе... в принципе, он уже готов, батенька... – задумчиво сощурился Гадюкин. – Мышление Альберта развито еще не в полной мере – сейчас его можно сравнить с ребенком лет семи-восьми... Но он, несомненно, уже совершенно разумен – это не просто компьютерная программа, не

псевдоинтеллект для электронной оболочки, которые производят мелко-мягкие...

– Превосходно. В таком случае, завтра я его забираю.

– Что?.. Забираете?.. Куда забираете, батенька? – забеспокоился профессор.

– Завтра наш президент летит в Белый Дом – с ответным визитом. А ребята из Силиконовой Долины уже подвезли туда свой искусственный мозг... кстати, вы были правы, у них действительно получился шкаф размером с комнату. Так что нам надо продемонстрировать свой – или президент проиграет пари.

– А на что спорили-то?

– Не волнуйтесь, профессор, не на Курильские острова. Просто на интерес. Но если мы проиграем, это больно ударит по престижу. Нам бы после Олимпиады оправиться...

– А я говорю, никакой это был не допинг! – грохнул кулаком по столу Гадюкин. – Судей купили!

– Профессор, я не знаю, чем вы там обкололи наших спортсменов, но вы явно перестарались. Когда бегун проходит марафонскую дистанцию за восемнадцать минут, даже до последнего идиота обычно доходит, что здесь что-то нечисто. Черт возьми, Осипова не смогли догнать даже на мотоцикле!

– Скажите спасибо, что я Лелика не выставил... – пробурчал Гадюкин. – А он так мечтал получить золото за штангу...

– Да, я помню, как он бегал вокруг института с грузови-

ком на плечах, – сухо подтвердил Эдуард Степанович. – Запакуйте вашего Альберта, профессор, завтра он летит в Вашингтон. Кто из вашей команды будет его сопровождать?

– Да я сам!.. я сам!..

– Сожалею, профессор, это исключено. Президент строго-настрого запрещает выпускать вас из страны. Ваша голова слишком дорого стоит.

– Тогда Лелик.

– Ему тоже нежелательно. Нужен кто-то, кто знает английский.

– Лелик знает. Он восемь языков знает.

– Да, только его английский ничем не отличается от его русского – точно такие же «гы-гы»... Может быть, Иванова? Иван Ильич вроде бы достаточно...

– Вот этого не стоит, батенька... – поморщился Гадюкин. – Понимаете, дело в том, что у Альберта с Иваном Ильичом не самые лучшие отношения... Они уже два дня не разговаривают...

– Что-что?

– Я же вам говорю – у Альберта формируется настоящая личность. И сейчас он примерно соответствует семилетнему ребенку. Обидчивый ужасно... Чего-то он там хотел сделать, а Иван Ильич ему не разрешил... вот и дуется до сих пор. Возьмите лучше Отрубянникова или Прилипко.

– Ну что ж, вам виднее. Подготовьте все, что нужно, я завтра зайду.

На следующий день Эдуард Степанович в компании Отрубьянникова и Прилипко, а также черного титанового ящика, пристегнутого к обоим профессорам сразу, сел в президентский самолет и отбыл на другой берег Атлантики. Большая часть НИИ «Пандора» не обратила на это никакого внимания – главбез часто отлучался по своим делам. Но на четвертом этаже сразу воцарилась тишина и скука – команда Гадюкина, целый месяц без устали работавшая над проектом «Мимир», лишилась своего детища и теперь не знала, чем себя занять.

Конечно, продолжалось это недолго – уже на следующий день профессора разбрелись по другим проектам и экспериментам. В НИИ «Пандора» всегда происходит что-нибудь интересное. Профессор Гадюкин вновь занялся «Бронтом» и с каждым днем все чаще потирал руки, готовясь возвестить миру об очередной победе...

Он уже и думать позабыл о своем драгоценном Альберте, улетевшем в Америку... когда Эдуард Степанович неожиданно вернулся.

– Получайте свое сокровище, профессор, – устало поставил на стол коробку он. На сей раз – обычную картонную, без каких-либо защитных приспособлений.

– Альберт! – расплылся в улыбке Гадюкин, снимая крышку.

– Здравствуйте, профессор, – ответил искусственный

мозг. – Я скучал. Рад снова вас видеть.

– А уж я-то как рад! Лелик! Лелик, иди сюда, посмотри, кто вернулся!

– Ур-ру! – тепло прорычал великан.

– Присаживайтесь, батенька, присаживайтесь! – захопота́л вокруг главбе́за Га́дюкин. – Как слетали? Как прошло? Мы выиграли?.. Пожалуйста, скажите, что Альберт выиграл!

– Нет, не скажу. Сожалею, но мы проиграли, профессор, – с каменным лицом ответил Эдуард Степанович. – Вы были правы – ваш Альберт еще не готов для публичного показа.

– Что?.. Что такое?.. Батенька, вы раните меня в самое сердце! – всполошился профессор. – Неужели мелко-мягкие сделали мозг лучше, чем у меня?!

– Ну не то чтобы лучше... Первое впечатление, безусловно, выиграл ваш Альберт. Он разговаривал вслух, а их МАК-1000 только выводил на экран текст. Он пожал президенту руку, а их МАК-1000... ну, у него манипуляторов не было. И сначала все шло очень хорошо. Их техники от вашего Альберта чуть не очумели – даже не верили сначала, думали, что это жульничество. А потом, когда все-таки убедились, решили доказать, что МАК-1000 гораздо совершеннее, хоть и не умеет говорить...

– Как доказать? – нахмурился Га́дюкин.

– Устроили соревнования. И вот тут-то ваш Альберт крупно опозорился... Сначала они с МАК-1000 играли в шахматы – так тот его просто разгромил... Мат в четыре хо-

да, представляете?

– Меня не обучали играть в шахматы, – холодно ответил искусственный мозг. – Я даже правила игры знал только приблизительно. Это нечестно.

– В математическом соревновании МАК-1000 его тоже обошел с легкостью...

– Он считает быстрее меня, ну и что? – с явной обидой спросил Альберт. – Калькулятор тоже считает быстрее человека – значит ли это, что калькулятор умнее?

– Ну и во всех остальных соревнованиях было примерно то же самое, – закруглился Эдуард Степанович. – МАК-1000 каждый раз побеждал. Но поражение нам засчитали не из-за этого...

– А из-за чего же? – подался вперед Гадюкин.

– Понимаете, после всего этого американский президент подошел к вашему Альберту и сказал этак снисходительно: «Знаешь, не очень-то ты умен, малыш...»

– А что Альберт?

– Ваш Альберт ударил президента по лицу манипулятором и сказал: «Уж поумнее тебя, дегенерат!»

Гости с Центавра

Аристарх Митрофанович Гадюкин положил ложечку на блюдце, отхлебнул горячего какао и причмокнул губами. От свежевыпеченных булочек аппетитно пахло корицей. Румяный старичок поерзал в мягком кресле и развернул на всю стену экран новостей.

Что может быть приятнее, чем вот так вот уютненько посидеть вечерком?..

Но уютненько посидеть не дали. Дверь распахнулась, и в кабинет шумно ворвался Эдуард Степанович. Растрепанный, взлохмаченный, краснее вареного рака – похоже, не на шутку торопился.

Прямо с порога он торопливо выкрикнул:

– Профессор, вы нужны своей стране!

– Конечно нужен, батенька, очень даже нужен... – добродушно ответил Гадюкин. – Булочку хотите?

– Нет, профессор, вы не понимаете, – машинально взял булочку главбезд. – Дело государственной важности! Возможно, перед нами переломный момент в истории человечества!

– И всего-то? Ну, это иногда случается. А только что ж вы так кричите-то, батенька? Спокойнее надо к таким вещам относиться, спокойнее...

– Простите, профессор, – пригладил волосы Эдуард Степанович. – Перенервничал. Со мной только что связались –

в Якутии приземлился инопланетный космический корабль. Президент поручает нам с вами немедленно отправляться туда. Так что собирайтесь живой ногой – вертушка уже крутится.

– Сейчас, батенька, сейчас... – спокойно кивнул Гадюкин, не двигаясь с места. – Сейчас, вот только какао допью... Тут, знаете ли, спешка совершенно ни к чему, а то еще не в то горло попадет...

ЛТ-42, вертолет, приписанный к НИИ «Пандора», вертолетом только назывался. Ультрасовременная машина с девятью винтами, лапами-манипуляторами, встроенными пулеметами и кабиной, способной вместить пятьдесят человек. На этой штуковине можно совершить кругосветное путешествие, ни разу не опустившись на землю.

Еще три года назад ЛТ-42 был всего лишь проектом «Икар», курируемым непосредственно профессором Гадюкиным. Армейский заказ. Правда, министр обороны заказывал не вертолет, а танк, но Гадюкин, как обычно, сделал все по-своему и создал мощную летучую машину, мгновенно ставшую объектом зависти конкурирующих держав.

Перелет меж Москвой и городом Удачный занял всю ночь. А наутро, едва забрезжил рассвет, ЛТ-42, все еще треща лопастями, опустился посреди тайги – рядом с огромной воронкой. Вокруг суетились люди, поблизости стояли еще четыре вертолета – не чета творению Гадюкина, но все же очень неплохих. Пришельцы избрали для посадки прямо-та-

ки идеальное место – всего в трех километрах от военной базы.

– Докладывает капитан Атастыров! – отрапортовал Эдуарду Степановичу худощавый якут в военной форме. – Объект цел и невредим, ночь провел спокойно, признаков жизни не подавал. Ожидаем дальнейших распоряжений, товарищ полковник.

– Вольно, – устало махнул рукой главбезд. – Профессор, вам карты в руки, делайте свою работу. А вы, капитан, пока мне расскажите... как вас по имени-отчеству, кстати?..

– Лоокут Иванович.

– Ну так что, Лоокут Иванович, как у нас тут в целом?.. Кто вообще в курсе о... происшествии?..

– Минимум, – не замедлил с ответом капитан. – И почти все сейчас здесь. Мне доложили вчера утром – сказали, метеорит упал. Выехал лично. Когда увидел, что это за «метеорит», приказал оцепить и сообщил наверх. Ничего не трогали, близко не подходили.

– Совершенно правильные действия. Со всех – подписку о неразглашении. И лично проследите, чтоб не болтали лишнего. Если и дальше будете действовать правильно – смело можете рассчитывать на представление...

– Служу России, товарищ полковник! – подтянулся Атастыров.

После того, как схлынула антисоветская истерия и подросло новое поколение, не видевшее коммунизма, Совет-

ский Союз окончательно отошел в историю. Как следует поразмыслив, правительство решило, что кое-какие аспекты тех времен не худо бы все же восстановить. К примеру, пионерскую организацию – без идеологии, но с летними лагерями, дворцами пионеров, кружками, секциями и клубами, сбором макулатуры и металлолома, «тимуровским» шефством над пенсионерами и так далее. Пусть дети получают надлежащее воспитание – все лучше, чем болтаться в подворотнях.

Точно так же были возвращены и прежние обращения – «господа» в народе так и не прижились.

Профессор Гадюкин встал на краю воронки, рассматривая инопланетный корабль поверх темных очков. Макушку он прикрыл панамой – денек выдался не по-апрельски жаркий. И не скажешь, что до Полярного Круга всего ничего...

Штуковина, наполовину зарывшаяся в грунт, напоминала металлическое яйцо размером с небольшой сарайчик. Судя по оплавленным породам вокруг, приземлилось оно донельзя раскаленным, но за истекшие сутки успело остыть.

– Мелкое какое-то... – наморщил нос подошедший Эдуард Степанович. – Лилипуты, что ли, прилетели?

– Ну отчего же, батенька? Мне кажется более верным предположить, что внутри ограничено жизненное пространство. Возможно, перед нами не полноценный звездолет, а шлюпка или спасательная капсула... Впрочем, сейчас все узнаем. Я верно понимаю, что на видимой части нет ничего

даже отдаленно похожего на вход... или выход?..

– Мы ничего такого не видели, – подтвердил Атастыров.

– А снизу?

– Снизу пока не смотрели. Затруднительно.

– Трудно с вами не согласиться, батенька, трудно... Ну ничего, сейчас все сделаем. Лелик!

– Ум-гу!.. – послышалось из ЛТ-42.

Атастыров с подчиненными невольно отшатнулись – совершенно естественная реакция для впервые увидевших Лелика. Горбатый великан на три головы возвысился над ними всеми, уродливое лицо питекантропа искривилось в понимающей ухмылке, а могучие ручищи уже принялись выкатывать из вертолета маленькую мобильную лебедку. За ней выбралось несколько рабочих с бурами, лопатами и веревками.

– Осторожнее, товарищи, осторожнее!.. – зывал Гадюкин, с беспокойством глядя, как космическое яйцо медленно, но верно выволакивают из гнезда. – Да осторожнее же!.. Это все-таки моя Нобелевская премия!..

– Не рассчитывайте, профессор, – мотнул головой Эдуард Степанович. – Каким образом вы собираетесь к этому примазаться? Это ж не вы этот корабль построили. И даже нашли не вы.

– Эх, батенька, все б вам только меня разочаровывать... – обиженно надулся Гадюкин. – Уже и шуток не понимаете... Лелик, что там?..

– Ор-га, Ху-Га! – вытер пот со лба великан.

– Ну, значит, будем резать! – довольно потер ладошки профессор. – Лелик, ты дрель захватил?

– Ор-ро!

Бессменный ассистент гения скрылся в недрах ЛТ-42 и вернулся в маске сварщика, окончательно придавшей ему сходство с неким фантастическим чудовищем. Великан с легкостью накинул на плечи ранец тяжелой плазменной дрели, дернул шнур и принялся невозмутимо вскрывать космический корабль, словно консервную банку.

– Профессор, а вы не слишком торопитесь? – осведомился Эдуард Степанович.

– Напротив, батенька! Мы с вами и без того преступно промедлили! Что если перед нами спасательное средство, потерпевшее аварию?! Что если там, внутри, ожидает нашей помощи пострадавший космонавт?! Дорога каждая минута!

– Ну тогда, конечно...

– А еще меня комары укусили и лысину напекло. Лелик, работай быстрее!

Лелик только невнятно замычал, и без того выкладываясь на полную. Приходилось соблюдать максимальную осторожность, дабы случайно не повредить драгоценное содержимое.

Конечно, никто не знал, что именно скрывает металлическая скорлупа, но все верили – что-то ценное!

С торца «космическое яйцо» оказалось приплюснутым, и там обнаружилось нечто вроде покореженных амортизато-

ров. Значит, оно все-таки приземлилось, а не просто упало. К тому же создается впечатление, что эти «амортизаторы» – лишь остатки чего-то большего...

– Необычный сплав, – цокнул языком профессор. – Даже если внутри пусто – находка все равно ценная.

– Надеюсь, все-таки не пусто.

– Будем посмотреть, батенька, будем посмотреть... Скажите-ка, а вот на ваше мнение – как Они выглядят?

– Не задумывался как-то, – пожал плечами Эдуард Степанович. – Я, профессор, человек рациональный, зря фантазировать не люблю. Увижу своими глазами – буду знать.

– Вполне здравый подход, – согласился Гадюкин. – Однако многие – еще как задумывались. На протяжении последних двух веков человечество измыслило себе бесчисленное множество собратьев по разуму. Впрочем, человеческая фантазия, увы, продукт ограниченный. Нашему мозгу чрезвычайно сложно вообразить что-то, радикально отличающееся от привычного и повседневного. Потому большинство вымышленных инопланетян похожи либо на людей, либо на каких-то земных животных. Фантазия отталкивается от привычного образа и обволакивает его дополнительными наслоениями – скажем, добавляет новые конечности, органы чувств, меняет пропорции тела, соединяет кусочки разных животных... Вспомните хоть старые космические сериалы – «Звездный путь», «Вавилон-5»... Большинство инопланетян там – почти такие же, как люди, только с какими-ни-

будь нашлепками на голове...

– Ну, тогда это еще и от техники зависело. Ведь их играли живые люди – волей-неволей приходилось оставаться в рамках. Попробуй-ка, замаскируй актера под какого-нибудь крякозябра, да еще заставь его смотреться в этом гриме естественно!

– Так-то оно так, батенька, но это все же не главное... Теперь-то от техники уже ничего не зависит, верно?.. Живые актеры давно отодвинулись на задний план – фантастические фильмы уже на семьдесят процентов моделируются графическими дизайнерами, людей все чаще заменяют виртуальными моделями... Еще лет пятнадцать-двадцать, и актерам вообще останется только озвучивать... А инопланетяне все равно по большей части человекоподобны! Общие контуры тела неизменно гуманоидны – вертикальная ось симметрии, две ноги, сверху голова с органами чувств и речи... Но лично я уверен – те, кого мы сейчас увидим, будут выглядеть...

На землю аккуратно лег осколок «скорлупы», вырезанный Леликом. Профессор немедленно протиснулся под рукой ассистента, торжествующе забрался внутрь и убито закончил свою речь:

– ...вот ведь какой позор на мою старую голову! А я-то тут напророчествовал...

Судя по всему, данный объект и в самом деле служил скорее шлюпкой, чем полноценным звездолетом. Свободного

пространства минимум – едва поместиться двоим. А Лелик не втиснулся бы и в одиночку.

Никаких приборов, экранов, кнопок, рычагов, сенсоров, мигающих лампочек и прочей мишуры, которую невольно ожидаешь увидеть на космическом корабле. Одна-единственная сферическая комната, гладкие стены без впадин и выпуклостей. Единственное содержимое – два прозрачных саркофага, заполненных голубоватой переливающейся жидкостью.

А в них – сами космонавты.

Поразительно слабо отличаются от людей. На руках по четыре пальца с втягивающимися когтями, кожа оливкового оттенка, носы черные и плоские, а под ними длинные усы-вибриссы... но больше различий не видно. При плохом освещении даже можно перепутать с землянами.

– Так что вы там насчет ограниченной фантазии говорили, профессор? – спокойно уточнил Эдуард Степанович, залезая следом.

– Все бы вам насмеяться над стариком, батенька... – сердито насупился Гадюкин. – Закономерность нельзя строить на основании одного примера. Подождем следующего контакта.

– Давайте вначале закончим этот... или хотя бы начнем.

– Разумеется, батенька, – рассеянно кивнул профессор, взглядываясь в отрешенные усатые лица под слоем жидкости. – Любопытно, любопытно...

В отличие от него, Эдуард Степанович довольно быстро потерял интерес к спящим космонавтам и выбрался наружу. С его разрешения на освободившееся место залез капитан Атастыров – ему тоже хотелось посмотреть. В течение часа внутри звездолета перебивали почти все присутствующие. Впрочем, надолго там никто не задерживался – на что тут смотреть, спрашивается? Пришельцы как пришельцы, ничего особенного...

– Честно признаться, ожидал большего, товарищ полковник, – рискнул высказать свое мнение Атастыров. – Думал, интереснее будет.

– Ур-гу! – согласился Лелик.

Атастыров покосился на него с нешуточной нервозностью. Это в НИИ «Пандора» к Лелику давно привыкли – а вот за пределами института он неизменно вызывал у людей шок.

– Эдуард Степанович! – Из звездолета высунулась голова в панаме – точь-в-точь кукушка из часов. – Эдуард Степанович, батенька, давайте приказ грузиться! Отправим все это добро на базу – там и будем разбираться...

Прошло шесть дней. Инопланетная шлюпка разместилась в подземном корпусе НИИ «Пандора» – по соседству с вивариумом. Ученые набросились на добычу, как грифы на падаль. Прямо сейчас по ней ползали пятеро седых профессоров и два доцента.

В соседнем зале шло исследование криогенных камер и замороженных инопланетян. Размораживать их не торопились – дело новое, неосвоенное, спешить ни к чему. Ошибись самую малость – и вместо первого в истории человечества контакта с иной цивилизацией получишь два нечеловеческих трупа.

Хотя тоже в чем-то неплохо – кое у кого из биологов руки чешутся провести аутопсию...

– Пока мы не можем с абсолютной уверенностью сказать, откуда они прибыли, но судя по предварительным исследованиям, есть большая вероятность того, что их родное солнце – Проксима Центавра, ближайшая к нам звезда, – вещал профессор Гадюкин, восседая на лабораторном столе перед двумя дюжинами слушателей – пожилых, средних лет и совсем молодых. Именно им предстояло стать обслуживающим персоналом новорожденного проекта «Центавр». – В криогенных камерах есть встроенные атомные таймеры... не совсем такие, как у нас, но принцип действия легко расшифровывается. Похоже, у них восьмеричная система счисления – что вполне естественно для существ с восемью пальцами. Точно так же для нас наиболее естественна десятичная. И если предположить, что эти таймеры включили непосредственно перед стартом, их полет продолжался двадцать восемь земных лет. Значит – Проксима Центавра.

– Аристарх Митрофанович, а можно глупый вопрос? – подняла руку молоденькая лаборантка.

– Конечно, деточка, – ласково посмотрел на нее Гадюкин. – Мы, ваши старшие товарищи, для того и предназначены – на глупые вопросы отвечать... Как вас зовут, кстати?

– Таней. Аристарх Митрофанович, а почему двадцать восемь лет значат Проксиму Центавра?

– Все правильно, вопрос глупый, – лучисто улыбнулся профессор. – Ничего страшного, Танечка, вы еще молоды, еще успеете ума набраться...

Судя по лицам прочих присутствующих, они тоже не поняли, как именно Гадюкин увязал срок полета и предполагаемое место вылета, но спросить никто не осмелился. Очень уж густо покраснела бедная девушка, очень уж насмешливо качал головой вредный профессор...

– Больше глупых вопросов не предвидится? – обвел взглядом аудиторию Гадюкин. – Очень замечательно. Продолжим. Итак, как мы видим на этой голографической модели... Лелик, поверни экран. Да, так хорошо. Инопланетный аппарат имеет форму правильного овоида, сплюснутого книзу. Там, внизу, заметны остатки некоего устройства, которое, по-видимому, разрушилось при входе в атмосферу. Пока еще рано делать окончательные выводы, но на основании увиденного я уже могу составить предварительную картину. Начнем с того, что наш космический гость, безусловно, не является самодостаточным летательным аппаратом. Для этого он чересчур урезан в возможностях – по сути, это всего лишь оболочка, защищающая криогенные камеры. Можно

предположить, что это спасательная шлюпка, запущенная со звездолета-матки... но лично я придерживаюсь другой версии. Лелик, включи карту.

– Гу-га, Ху-Га! – прорычал горбун, сдвигая иконки.

Свет в зале погас, и пространство наполнилось тысячами огоньков – голографическая карта звездного неба. Рядом с созвездием Центавра вдруг объявилась мерцающая ладонь – это профессор Гадюкин указал на вероятную родину космических гостей.

– Немножко сдвинем... увеличим... ага, вот так, – удовлетворенно кивнул невидимый во тьме профессор. – Вот так. Смотрите внимательнее. Видите эту белую линию?.. Это и есть траектория движения нашего овоида. Мы навели справки среди наших зарубежных коллег и выяснили, что три недели назад, когда он только-только вошел в Солнечную систему, его засекла Паломарская обсерватория. Само собой, о его истинной сущности им по-прежнему неизвестно, метеоров в космосе пока что хватает. Но данные они нам любезно предоставили. А также предупредили, что в эти данные, судя по всему, вкралась ошибка: на самой ранней стадии наблюдения скорость метеора была чрезвычайно высокой – выше сорока тысяч километров в секунду. То есть – почти одна седьмая скорости света. Но очень скоро скорость метеора выправилась, войдя в пределы нормы. Они посчитали это за ошибку машины. Но мы, обладая дополнительной информацией, понимаем, что ни о какой ошибке нет и речи. Объект

в самом деле двигался на одной седьмой скорости света. А поскольку расстояние меж Солнцем и Проксимой Центавра как раз и составляет одну и три десятых парсека или четыре световых года... выводы следуют сами собой. Двадцать восемь лет. Конечно, если предположить, что скорость нашего овода на протяжении всего пути оставалась неизменной. Вопросы?..

Профессор подождал минутку, но вопросов не было. Все таращились на мигающую белую линию, соединяющую Солнце и Проксиму Центавра.

– Очень хорошо. Давайте тогда рассмотрим собственно технику проделанного путешествия. Должен признать, этот овод не так уж сильно обогатил нашу копилку знаний. Сплав, из которого он состоит, нам неизвестен, и мы непременно его расшифруем... но, боюсь, больше ничего полезного мы не получили. Их криогенные камеры совершеннее наших, но технической революции они не произведут. А вот само путешествие... да, перед нами не обычный корабль вроде того, что мы в прошлом месяце отправили к Юпитеру. Здесь применен совершенно иной метод. Если кто-то из вас увлекается классической фантастикой, то вы, возможно, помните такие произведения, как «Из пушки на Луну» Жюль Верна или «Война миров» Уэллса. Фантасты девятнадцатого века предполагали, что космические путешествия будут совершаться через посредство исполинских пушек. Со временем в умах произошел перелом, чему немало способ-

ствовали труды нашего с вами соотечественника Циолковского, и данная идея сошла на обочину. Ученые даже не пытались работать в этом направлении. Однако в данном случае мы имеем дело именно с чем-то подобным. В системе Проксимы Центавра находится некая «пушка»... конечно, с настоящей пушкой она имеет не больше общего, чем космический корабль – с парусным. Пока мы не можем предложить сколько-нибудь достоверную гипотезу, насчет того, что из себя представляет это устройство и по какому принципу действует. Мы даже не знаем, в космосе ли оно находится или на поверхности планеты. Но совершенно очевидно, что именно оно выстрелило в нас этим «ядром» с живыми космонавтами внутри.

Гадюкин подвигал иконки в своей эль-планшетке, и перед зрителями предстала увеличенная модель Солнечной Системы, а рядом – Земля, вид из космоса. Красная стрелочка указывает на северо-восток Евразии, в самое сердце Республики Саха.

– Безусловно, выстрел был произведен не вслепую, – продолжил профессор. – Центавриане отправили своих представителей не куда бог пошлет, а вполне целенаправленно, с совершенно точным расчетом. Неизвестное устройство, остатки которого мы можем наблюдать с торцевой части нашего овоида – несомненно, устройство страховочного торможения. Своего рода «парашют». Одноразовый – он выполнил свою задачу, позволив космонавтам приземлиться целы-

ми и невредимыми, но сам при этом разрушился. К сожалению, из-за этого мы опять-таки не можем строить предположения о принципе его действия – схема для нас кардинально новая, а для полноценной гипотезы осталось слишком мало кусочков... Это понятно? Тогда будем рассуждать дальше. Нетрудно сообразить, что центавриане целились именно в нашу планету – иначе остается предположить, что они рассылают подобные «ядра» во все стороны, что крайне неразумно экономически и социально. Ведь большинство космонавтов при такой тактике будет погибать. Конечно, мы ничего не знаем о менталитете и культурных особенностях центавриан, но, тем не менее, лично мне подобное кажется маловероятным.

Изображение снова сменилось. Загорелся свет, звездное небо погасло, но вместо него в воздухе повисли голографические изображения центавриан – с закрытыми глазами, скорченными в позе эмбриона. Именно так они лежали в своих криогенных саркофагах.

– Изучение самих космонавтов окончательно убеждает нас, что центавриане обладают кое-какой информацией о нашей планете. Как видите, они гуманоиды, позвоночные, млекопитающие, а данная деталь анатомии явственно указывает на мужской пол... Танечка, а что это вы так покраснели?.. Ай-яй-яй, а еще биолог... Судя по строению тел пришельцев, их родная планета во многом сходна с нашей Землей. Гравитация, давление, температурный баланс – все это у них

должно быть почти таким же, как у нас. На это же указывает состав воздуха, заполнявшего их капсулу. Смесь кое в чем отличается от привычной нам – азота немного меньше, водяных паров немного больше, присутствует крохотный процент неизвестного газа... но для человека этот состав вполне пригоден. Соответственно, и наша атмосфера центаврианам повредить не может. Бесспорно, им это должно быть известно. Более того, им также должно быть известно и о нашем с вами существовании. Заметьте, что инопланетяне не могли самостоятельно покинуть ни свои саркофаги, ни свою капсулу – для того и другого им требовалась помощь извне. Будь Земля необитаемой, они были бы обречены неограниченно долго оставаться в своих темницах. Значит, они рассчитывали, что им сумеют оказать помощь... Ну и что мы имеем в общем итоге? А имеем мы послов Проксимы Центавра, прибывших к нам для установления первого в истории человечества контакта с внеземной цивилизацией!

Собравшиеся дружно зааплодировали, восхищенно глядя на лукаво шурящегося Гадюкина. Профессор раскланялся налево и направо и закончил:

– А сейчас, товарищи, я попрошу всех пройти в лабораторию криогеники, где наконец-то состоится самое главное – пробуждение наших дорогих гостей!

Саркофаги с центаврианами возлежали на возвышениях, полностью подготовленные к историческому событию. У дверей застыли рослые охранники, держащие замороженных

пришельцев на прицеле – послы послами, контакт контактом, а нормы безопасности никто не отменял. Помещение простреливается из конца в конец, а каждый саркофаг единым нажатием кнопки может провалиться сквозь пол – в специальную камеру, обитую мягким войлоком.

– У нас все готово? – спросил Гадюкин.

– У нас все готово, – кивнул профессор Хрюкин, стоящий за центральным пультом.

– У нас все готово, батенька, можем начинать, – кивнул Гадюкин Эдуарду Степановичу.

– Товарищ президент, у нас все готово, можем начинать, – эхом повторил Эдуард Степанович, обращаясь к большому экрану в стене.

Там сейчас виднелось широкое мясистое лицо с густыми бровями и необычайно крупным носом. Первое лицо государства. Разумеется, оно обязано присутствовать при столь незаурядном событии. Но из соображений безопасности – виртуально.

– Добро, – важно надул щеки президент. – Приступайте, товарищи.

Крышки саркофагов медленно разъехались надвое. По мере того, как восстанавливалась температура тел, оливковая кожа центавриан светлела, приобретала легкий розоватый оттенок. Вот у одного шевельнулся палец... второй еле слышно застонал...

Центавриане открыли глаза. Большие, зеленовато-жел-

тые, с идеально круглыми зрачками. В них светилось исключительно дружелюбное любопытство, но охранники все равно напряглись, готовые в любую секунду открыть шквальный огонь.

Все выжидающе уставились на пришельцев. Те с интересом огляделись по сторонам, ничуть не встревоженные необычной обстановкой, и совершенно не собираясь первыми начинать общение.

Молчание затягивалось. Президент с намеком кашлянул, как бы невзначай посмотрев на часы. Он, конечно, сознавал всю важность происходящего... но не вечно же вот так тарашиться друг на друга!

– Батенька, ну скажите же им что-нибудь!.. – шикнул на Эдуарда Степановича профессор. – Неудобно же!

– М-м-м... Добрый день... м-м-м... – замялся главбез, не зная, как лучше обращаться к этим существам. – Мы – люди планеты Земля!.. М-м-м... Черт, профессор, а что им говорить-то?..

– Ну я-то откуда знаю, батенька? Кто из нас военнотружущий – вы или я?

– Так мы же не войну им объявляем... – проворчал Эдуард Степанович. – Товарищ президент, может быть, вы?..

– Нет-нет, у вас хорошо получается, продолжайте, – самоустранился тот. – Только побыстрее, у нас тут банкет скоро.

Тем временем профессор Хрюкин, уверившись в миролюбивом настрое центавриан, отобрал несколько лаборантов

и приступил к гигиеническим процедурам. Гости с другой планеты были извлечены из саркофагов, вымыты, обсушены и облачены в белые халаты свободного покроя. Возражений со стороны моемых не последовало – наоборот, они охотно сотрудничали, с любопытством ощупывая и даже пробуя на зуб ткань халатов.

Вот только говорить по-прежнему ничего не говорили. Только все время шевелили кошачьими усами. Похоже, их беспокоил запах хлорки, по невыясненным причинам пропитывающий НИИ «Пандора» сверху донизу.

– Может, их покормить? – предложил Хрюкин.

– Повремените, батенька, – не согласился Гадюкин. – Вначале нужно выяснить, что они любят. Еще отравим, чего доброго...

– Грряу... хау арр-ар ахрр грахх?... – неожиданно заговорил один из центавриан.

– Есть контакт! – потер ладошки Гадюкин, подскакивая к нему с диктофоном. – Продолжайте, батенька, продолжайте, мы вас внимательно слушаем!

– Оооррр-х?.. Руууу ввооррр...

– Профессор, а по-нашему они не говорят? – с явным разочарованием спросил Эдуард Степанович.

– Естественно, нет, батенька! Задумайтесь на минутку – а откуда им знать наш язык? Они говорят на своем, мы – на своем...

– И как же мы с ними будем объясняться?

– Да, меня это тоже интересует, – подал голос президент. – Что же это за контакт такой получается?..

– Да ничего страшного – просто вскроем им черепа и препарлируем мозги...

– Что-о-о-о-о?!!

– Шутка! – радостно захихикал Гадюкин. – А чего это вы все так побледнели? Шучу я, шучу!

– Грррхрм! – сурово кашлянул президент. – Профессор... Мы очень ценим ваше чувство юмора... но всякому овощу свое время, вы со мной согласны? Очень хорошо, что наши гости вас не поняли... не поняли ведь?..

– Похоже, что нет, – покачал головой Эдуард Степанович, пристально следивший за реакцией центавриан. – Или умело скрывают эмоции.

– Надеюсь, что не поняли. Мне бы на их месте подобная шутка точно не понравилась. Так что, профессор, на будущее постарайтесь сдерживаться.

Гадюкин лишь пожал плечами. Он уже привык, что его юмор всегда принимают с холодком.

– А теперь давайте серьезно, профессор. Что вы можете предложить для преодоления языкового барьера?

– Будем работать, батень... товарищ президент. Попробуем обучить их нашему языку. Если окажутся неспособными – сами научимся ихнему. В крайнем случае попробуем универсальные методы – картинки там всякие, геометрию Евклида...

– Добро. Эдуард Степанович, вы ответственный. Надеюсь, недели через три контакт все-таки состоится...

– Мы с профессором приложим все силы. Верно, профессор?

– Разумеется, батенька, не извольте сомневаться! – хитро прищурился Гадюкин. – Нет, все-таки президент у нас тупой, как пробка...

– Гхрррм!.. – злобно кашлянули с экрана.

– Ой, товарищ президент, вы еще на связи? – удивился профессор. – А это я не про вас сказал! Это я про другого президента!

– Работайте, – скрипнул зубами президент.

Через три недели контакт не состоялся. Не состоялся он и через три месяца. Проект «Центавр» затянулся до неприличия – прошел уже целый год, а общение по-прежнему буксовало. Инопланетяне выучили полтора десятка простейших слов – «дай», «есть», «темно», «вода» и так далее... но для полноценного разговора этого, конечно, не хватало.

А их родное наречие оказалось на редкость зубодробительным. Профессор Гадюкин очень гордился своей способностью мгновенно овладевать новыми языками – он их знал больше тридцати, от английского до суахили. Но тут его ожидал конфуз – абракадабра центавриан упорно не сдавалась. Профессор сутками просиживал в покоях, отданных гостям из космоса, но до сих пор оставался там же, где и был.

– Батенька, это прямо издевательство какое-то! – жаловался он Эдуарду Степановичу. – Вот слушайте. Как это называется?

– Шуэррк, – с готовностью курлыкнул центаврианин, вместе с Гадюкиным хлопая по столу.

– А вот это? – указал на стул профессор.

– Ооррк.

– Ну, вроде бы достаточно просто, – задумался главбез. – Стол – «шуэррк», стул – «ооррк»... Так в чем сложность?

– Вот в чем! – плаксиво выкрикнул Гадюкин, раскрывая перед ним эль-планшетку. – Я тоже думал сначала – быстренько составим словарик, потом перейдем к грамматике и всему такому... Хрен вам, батенька! Смотрите. Вчера стол и стул звучали «уурра» и «рроо», позавчера – «брээ» и «арруу», позапозавчера – «ап» и «арп»... То ли их язык меняется с фантастической быстротой, то ли он зависит еще и от календаря – сегодня такое-то понятие обозначается одним словом, завтра – другим... В любом случае для меня это слишком сложно! Слишком сложно!

Эдуард Степанович недоверчиво покачал головой. Профессор Гадюкин впервые на его памяти произнес подобную фразу. Значит, дело и впрямь нешуточное.

Сами центавриане ничуть не беспокоились. Их вполне устраивала жизнь в НИИ «Пандора». За ними ухаживали, как за царской четой, кормили всем, что только душе угодно, развлекали, несколько раз даже выводили в город погу-

лять. Благо внимания они почти не привлекали – ну подумаешь, кошачьи усы под носом? Молодежь сейчас по-всякому выкаблучивается – вон, недавно объявилось новая поветрие, «минотавры». Умеренные просто носят специальные каски с рогами, а радикальные – вживляют настоящие, привинчивают прямо к черепу.

Обслуживающий персонал довольно быстро привык к необычным подопечным. Центавриане никому не доставляли хлопот – вели себя очень прилично, не шумели, не хулиганили, не капризничали. В питании придерживались вегетарианской диеты, любили понежиться в солярии и с удовольствием плескались в бассейне, оказавшись превосходными пловцами.

Все вокруг вызывало у них по-детски восторженное любопытство – жаль только, что любопытством дело и ограничивалось. Казалось, их совершенно не интересует собственно цель полета – исследование новой планеты, установление контакта с ее обитателями. Если они летели сюда не для этого... то для чего тогда?

– Издевательство... – бормотал Гадюкин. – Башкой они, что ли, при посадке ударились?..

Нет, какое-то общение с центаврианами все-таки шло. Лаборантка Таня возилась с ними, как с маленькими детьми, учила азбуке на кубиках, показывала картинки и от души радовалась каждому выученному слову. Космонавты уже отличали ее среди прочего персонала, даже называли по имени.

Но больше они ничьего имени не запомнили – даже профессора Гадюкина. Того это не на шутку уязвляло, хотя он и сам признавал, что «Аристарх Митрофанович» запомнить несколько сложнее, чем коротенькое «Таня».

Так прошел и второй год. Разочаровавший всех проект «Центавр» был задвинут в дальний ящик. Занимались им теперь спустя рукава, уже мало на что надеясь. Инопланетяне чувствовали себя хорошо, но не желали ни обучаться земным языкам сами, ни помогать выучить свой. Были перепробованы все известные способы общения – от азбуки глухонемых до криптографического письма. Центавриане каждый раз вежливо внимали суесящимся вокруг людям, но не более того.

Профессор Гадюкин лично выдумал несколько новых способов и принимал любые посторонние предложения – вплоть до самых дурацких. Именно ради центавриан был запущен проект «Мнемозина», призванный найти способ читать мысли... но здесь спасовал даже уникальный гений Гадюкина.

Правда, аппарат «Мнемозина» в конце концов все же появился на свет, однако совершенно не таким, каким задумывался...

По мере того, как проваливались попытка за попыткой, интерес к пришельцам все больше ослабевал. Кое-кто даже начал вспоминать о той шутке Гадюкина насчет вскрытия и препарирования... только теперь уже всерьез. Пока что

дальше разговоров дело не заходило – инопланетян всего две штуки, чтоб так просто ими разбрасываться, – но время шло, контакта по-прежнему не было, и идея привлекала все новых сторонников...

Закончился третий год. Гадюкин так и не добился ничего интересного. Вот разве что центавриане слегка располнели – от обильного питания и малоподвижного образа жизни.

Других перемен не наблюдалось.

К проекту «Центавр» уже давно относились так же, как в больнице относятся к постоянному пациенту. Вылечить не удастся – но не выгонять же на улицу?.. Пусть лежит себе – койку не продавит...

Но однажды вечером, когда профессор уютненько сидел за чаем с бутербродами, к нему вновь заглянул Эдуард Степанович.

– Добрый вечер, профессор.

– Добрый вечер, батенька, – ласково кивнул Гадюкин. – Присаживайтесь, угощайтесь.

– Спасибо, не откажусь...

– Мажьте хлеб вареньицем, мажьте.

– Да, спасибо, я мажу...

– Нет, вы **ВАРЕНЬИЦЕМ** мажьте! – сердито нахмурился Гадюкин. – А икорку не трогайте, я ее и сам люблю!

Эдуард Степанович рассеянно отхлебнул чаю и сообщил:

– Между прочим, профессор, я к вам по делу.

– А кто сомневается, батенька? Вы просто так никогда не

заходите. Ну что, чего вам на этот раз изобрести? Плутониевый антидот хотите?

– А это что такое? – заинтересовался главбезд.

– Да родилась тут интересная мыслишка... Плутониевый раствор с кое-какими добавками, вводится внутривенно... Если все пройдет правильно, подопытный приобретет иммунитет к умеренным дозам радиации...

– Да, заманчиво... А если неправильно?

– Тогда умрет, – пожал плечами Гадюкин. – Но вы не волнуйтесь, я на собаках уже экспериментировал – смертность всего тридцать процентов. Давайте теперь на людях пробуем!

– Лучше все-таки пока на собаках, – отказался Эдуард Степанович. – Но я к вам по другому делу.

– Слушаю внимательно, батенька... Кипяточку подлить?..

– Немножко. Мне только что сообщили из Паломарской обсерватории – они опять засекали метеор с теми же свойствами, что три года назад... Спрашивают, интересуемся ли мы еще этим феноменом.

– Батенька мой, да что же вы молчите?! – ахнул Гадюкин. – И когда оно шлепнется?!

– Говорят – завтра в полдень. Приблизительно в том же районе, что и раньше.

– Лелик, пакуй чемоданы!.. – позвал профессор, аккуратно завинчивая баночку с вареньем. – Не-мед-лен-но!

За стеной заворчалось и заворчало что-то огромное –

продремавший весь день ассистент неохотно поднимался с матраса. Спал он прямо на полу – ни одна нормальная кровать его тушу не выдерживала.

На следующий день профессор Гадюкин уже стоял возле ЛТ-42, прикрывая лысину широкополой панамой. Денек выдался еще жарче, чем три года назад: на сей раз посадка инопланетного звездолета состоялась не в апреле, а в июне.

В прохладном сумраке летательной машины сонно бормотали что-то свое центавриане, успокаиваемые лаборанткой Таней. Профессор решил, что для контакта будет полезно, если космонавты сразу увидят, с каким гостеприимством на Земле приняли их сородичей.

Все очень надеялись, что на сей раз прилетит кто-нибудь, способный усвоить русский язык.

Корабль центавриан опустился немного не там, где в прошлый раз. Самую чуточку – всего двадцатью километрами юго-восточнее.

Майор Атастыров вновь сработал быстро и точно – вокруг воронки уже выстроилось оцепление, вертолеты, рабочие с бурами. Лоокут Иванович всем видом выражал энтузиазм и подтянутость, глядя на металлическое яйцо с искренней симпатией. Как-никак, в прошлый раз он из капитана стал майором... может, и теперь что-нибудь обломится?

Это межзвездное «ядро» кое в чем отличалось от своего предшественника. Чуть пошире в боках, чуть поуже в ниж-

правил его Эдуард Степанович.

– Что?.. А, ну да, конечно... Пока что еще Земля... – неохотно согласился Гадюкин. – Ничего, батенька, все еще впереди...

Спрутообразный пришелец двинулся вперед. Передвигался он необычно – не шел и не полз, а как бы скользил на манер конькобежца. Короткие щупальца с блямбами делали резкие рывки, перебрасывая тяжелую голову, а длинные щупальца помогали удерживать равновесие, действуя по принципу лыжных палок.

В инопланетянина нацелился десяток дул. Сделай он что-нибудь потенциально опасное – тут же нашпигуют свинцом и ванадием.

Лысая голова чуть изогнулась в средней части – похоже, никакого черепа внутри нет и в помине. Инопланетянин чуть прищелкнул клювом, рассматривая незнакомые приспособления в руках двуногих, а потом...

А потом одна из склизких трубок резко сжалась и плюнула! Профессор Гадюкин закричал от боли – голова загорелась огнем!

– Не стрелять! – заорал Атастыров, вскидывая кулак. – Не стрелять, профессора заденете!

В лоб Гадюкину впилось что-то вроде крохотного паучка. Между ним и трубкой пришельца протянулась тонкая нить – майор Атастыров решил, что космический спрут взял профессора в заложники.

– Всем тихо... – ледяным голосом скомандовал Эдуард Степанович, медленно вытягивая из-за пояса акустиган¹. – Никому не двигаться... Сохранять спокойствие... Профессор, вы как?.. Живы?.. Говорить можете?..

– Э-э-э... а ведь могу, батенька! – оживился Гадюкин. – И он тоже может! Отставить тревогу, это у них, оказывается, такой способ общения – прямой тактильный контакт! Он говорит, что его зовут Ггхххбх... хххбх... м-да... Боюсь, я это не выговорю.

Эдуард Степанович обменялся с майором Атастыровым настороженными взглядами. Вот так, с бухты-баряхты, верить в миролюбивые намерения космического террориста они не собирались. Мало ли – вдруг это он сейчас говорит устами профессора?..

– Профессор, вы можете доказать, что вы – это именно вы?.. – с сомнением спросил Эдуард Степанович, не отрывая глаз (и прицела акустигана) от второй трубки прищельца.

Вдруг она тоже сейчас плюнет таким вот паучком?..

– Разумеется, батенька! – лучезарно улыбнулся Гадюкин. – Я – это именно я! А вы, батенька, пушечкой своей не размахивайте, у нас тут, знаете ли, дипломатические пере-

¹ Акустиган. Он же – акустический пистолет. Он же – проект «Сирена». Прибор ручного действия, генерирующий узкий пучок звука высокой интенсивности. На максимальной мощности – производит разряд, по ударной силе сравнимый с пулевым выстрелом. На минимальной – сбивает жертву с ног и лишает сознания, не причиняя серьезного вреда. Изобретен и сконструирован А. М. Гадюкиным в 2033 году.

говоры намечаются... Наш дорогой гость приносит извинения, что проявил резкость – он не сообразил, что для землян его действия могли показаться агрессивными. На его родной планете это совершенно естественный способ общения – они переговариваются напрямую, тактильно соединяя разумы.

– Ну что ж, допустим... – неохотно кивнул Эдуард Степанович.

Но акустигана не убрал. И бойцы Атастырова по-прежнему удерживали пришельца на мушке.

– Ай-яй-яй, товарищи, ну мне буквально стыдно за вас... – покачал головой Гадюкин. – Что о нас подумает галактическая общественность? Перед нами, можно сказать, инопланетный Гагарин, а вы себя так ведете!

Инопланетный Гагарин защелкал клювом, что-то неразборчиво шипя, и по нити, соединявшей его с профессором, пробежала тоненькая дрожь.

– Он очень сожалеет, что причиняет нам невольные неудобства, – перевел Гадюкин. – Увы, его клюв не способен воспроизвести человеческую речь, а наши рты – его...

– Подождите, профессор. Речь?.. Вы же сказали, что они общаются напрямую? Этими... паучками на нитках.

– Верно, батенька, – благожелательно кивнул Гадюкин. – Но у них есть и звуковая речь – хотя и упрощенная, не передающая всех оттенков. Нетрудно догадаться, что способ, которым мы с ним общаемся сейчас, хотя и обладает множеством достоинств – к примеру, в нем отсутствуют языко-

вые барьеры – все же грешит и множеством недостатков. Так, подобным образом нельзя одновременно объясняться более чем с двумя индивидуумами, невозможно говорить на расстоянии... Что делать, скажем, лектору в аудитории или диктору на телевидении?.. Как мы когда-то изобрели письменную речь, так они в свое время придумали звуковую – для тех случаев, когда прямой контакт затруднителен...

– Хорошо, хорошо, я вам верю! – остановил его Эдуард Степанович. – Профессор...

– Да, батенька?..

– Этот... Гагарин, он что, тоже с Проксимы Центавра?

Органическая нить мелко задрожала – инопланетянин с Гадюкиным бесшумно переговаривались. Через несколько секунд профессор кивнул:

– Да. Именно оттуда. Я, знаете ли, угадал почти везде – они действительно путешествуют с помощью «космических пушек». Он мне сейчас показал, как это выглядит – на орбите висит искусственный спутник, стреляющий капсулами с замороженными космонавтами... И они действительно целились именно в нашу планету – их телескопы на порядок совершеннее наших, так что они уже полвека внимательно за нами наблюдают... Вот, решили начать контакт – отправили посла...

– А как он вернется домой?

– В том-то и дело, что никак. До тех пор, пока центавриане не придумают более совершенного способа межзвездных

путешествий, нашему гостю придется оставаться на Земле... Но он не возражает.

Эдуард Степанович задумчиво посмотрел на лучащегося довольством Гадюкина и застенчиво лупающего громадными глазищами центаврианина, и медленно сказал:

– Хорошо, я все понимаю... Кроме одного. Если он – центаврианин... то кто, черт возьми, тогда вот эти?! Татьяна!

Лаборантка Таня, уже давно испуганно выглядывающая из ЛТ-42, вывела за руки двух «старых» центавриан. Оливковокожие гуманоиды тут же зашевелили вибриссами, явно оживившись при виде «спрута».

– А-а-а, эти!.. – усмехнулся Гадюкин, переглянувшись с «Гагариным». – Да, батенька, здесь у нас, знаете ли, недоразумение вышло... Понимаете, эти их «космические пушки» существуют не так уж давно, у центавриан не было полной уверенности, что живые существа сумеют пережить подобное ускорение... И потому первый запуск к нашему Солнцу был осуществлен с кшетъриххи внутри... это эти усатые так называются, – пояснил он. – Выбрали именно их, потому что среди фауны их родного мира они наиболее схожи с нами, землянами. Наш гость говорит, что были отобраны самые толковые особи – обученные, тренированные, коммуникабельные, даже способные подражать чужой речи подобно попугаям...

– А если вкратце, профессор? – поморщился Эдуард Степанович.

– Вкратце?.. Если вкратце, батенька, то мы с вами три года пытались установить контакт с инопланетными Белкой и Стрелкой.

Ревизия

Мочальников поправил очки и развернул в эль-планшетке еще два окна. Нельзя сказать, что нынешняя проверка доставляла ему удовольствие, но он привык выполнять работу с максимальной скрупулезностью.

Учреждение, с которым предстоит иметь дело сегодня, называется научно-исследовательским институтом «Пандора». Расположилось оно за пределами города, отдельно ото всех, а охраняется почище склада ядерных боеголовок.

Что такое это самое НИИ «Пандора», и для чего конкретно предназначено, Мочальников не имел ни малейшего представления. Как и те, кто его сюда направил. О загадочном институте ходят самые разные слухи, но в одном они сходятся – ничего хорошего за этим белоснежным забором не происходит.

Некоторые считают, что институт курируется непосредственно президентом. Другие – что это особый отдел ФСБ. Третьи – что всем здесь заправляет военщина. Четвертые – что это вообще частная корпорация, принадлежащая какому-то эксцентричному миллиардеру.

Кому именно НИИ «Пандора» подотчетен, Мочальников так и не выяснил. Но судя по количеству получаемых дотаций, претензий к своему подопечному у этого кого-то нет, и никаких ревизий он проводить не собирается.

Однако в стране существует еще и Комиссия.

Полное название организации, в котором Петр Захарович Мочальников трудится уже почти два года, звучит несколько длиннее, но все называют ее попросту Комиссией. Учредили ее в качестве третейского судьи – как совершенно независимый орган, обладающий полномочиями в любой момент провести ревизию в ЛЮБОМ учреждении. Частном или государственном – неважно. Причем безо всякого предупреждения. Формально Комиссия может залезть с проверкой хоть в кабинет президента.

Правда, этой возможностью она как-то не очень злоупотребляет.

Надо сказать, Комиссия приносит немалую пользу. За последний год ревизоры этой службы и в самом деле вскрыли несколько вопиющих безобразий. Они суют носы повсюду – от платных туалетов до военных баз – и везде выискивают нарушения и беспорядки. Правда, действуют очень разрозненно, методом случайного тыка – увы, из-за жесточайших требований к сотрудникам Комиссия испытывает сильный кадровый голод.

Будешь набирать кого попало – очень скоро превратишься в очередную коррумпированную шарашку, которых и так предостаточно...

Обычно применяется одна и та же простенькая схема – в учреждение, вызвавшее подозрения, отправляется ревизор Комиссии и проводит беглый осмотр. В зависимости от по-

лученных впечатлений выносит вердикт – оставить в покое или устроить полную проверку.

Полная проверка зачастую заканчивается тем, что руководство провинившегося учреждения отправляется на нары.

Надо сказать, Мочальников свою работу очень любил. Приятно, когда перед тобой постоянно заискивают. Приятно чувствовать себя таким вершителем судеб. Знать, что достаточно одного слова, и твой собеседник кубарем полетит с должности.

На лапу ему тоже совали часто. Точнее, пытались совать – к взяточничеству Комиссия относится беспощадно. Единжды уличенный тут же вылетает с треском – и, как правило, прямиком за решетку. Поэтому служащие Комиссии уже давно прославились двумя качествами – неподкупностью и туповатостью.

Некоторые считают, что первое качество развилось у них именно благодаря второму.

Сейчас перед Мочальниковым стоят двое. Лучезарно улыбающийся старичок с разрастающейся лысиной и подтянутый особист средних лет, меланхолично жующий бутерброд с семгой.

– Так-так... – еще раз заглянул в файл Мочальников. – Так-так... Насколько я понимаю, в вашем НИИ официально главы нет – своего рода анархия... Однако неофициально всем здесь заправяете вы двое... Вы возглавляете ученую часть, а вы – административную... Я все правильно понял?..

– Правильно, батенька, – ласково улыбнулся ему старичок.

– Вы у нас Аристарх Митрофанович Гадюкин, профессор... доктор наук... действительный член академии... ого, какой длинный список...

– Нобелевский лауреат! – важно надул щеки Гадюкин.

– Нобелевский?.. – удивился Мочальников, меняя окна. – Вы уверены?.. У меня про это...

– Шутка! Шутка, батенька!

– Понимаю, – осторожно кивнул Мочальников, с опаской глядя на профессора. Шуток и розыгрышей он не любил с детства. – Так-так... А вы у нас, значит, Эдуард Степанович... а как фамилия?.. Фамилии у меня почему-то не написано...

– Засекречено, – спокойно ответил главбез НИИ «Пандора».

Мочальников хотел было спросить, не очередная ли это шутка, но тут же передумал. Вопреки обыкновению, ему неожиданно захотелось побыстрее все закончить и удалиться восвояси. Местная атмосфера вызывает нервозность – тревожно как-то, беспокойно... Пару раз он поймал себя на чувстве deja-vю – вроде бы уже видел раньше и эти ворота, и этого странного профессора...

Да еще и хлоркой все время пахнет...

– Профессор, а почему у вас везде пахнет хлоркой? – спросил он, обращаясь к более дружелюбному из здешних

руководителей. Каменноликий особист без фамилии смотрит очень уж неприветливо.

– Загадка природы, батенька! – весело закивал Гадюкин. – Сами гадаем! Мы в этом здании уже двадцать лет – и все двадцать лет в нем пахнет хлоркой! Как уж только ни бились, как уж ни вытравливали...

– Ну... ладно. Давайте начнем осмотр. С чего лучше начать?..

– С вестибюля, батенька, – ухватил ревизора под локоток профессор. – Сюда, сюда. Вот, смотрите. Это наш вестибюль. Это лестница. Это лифт. Это коридор. Это мексиканский кактус, только на той неделе привезли. Это уборщик – дед Митя.

– Здоров, Митрофаныч! – махнул рукой морщинистый старичок, оторвавшись от пульта автоуборщиков.

– Ну а чем вы вообще здесь занимаетесь? – вежливо спросил Мочальников, делая какую-то отметку в окне эль-планшетки. – На чем ваш НИИ... специализируется?

– Да на всем, батенька! Совершенно на всем! И военные заказы выполняем, и частные, и даже от президента, бывает, поступает что-нибудь эдакое...

– Кхем!.. – кашлянул в кулак Эдуард Степанович.

– Ах да, конечно, все понимаю – строгий секрет, государственная тайна! – прижал палец к губам Гадюкин. – Хотя вам-то, батенька, можно, вы же из Комиссии! Ну что, давайте посмотрим мое хозяйство?..

Персональный комплекс профессора Гадюкина занял половину четвертого этажа. При входе устроилась милостивая секретарша – рыженькая, в изящных очках. Создавалось впечатление, что ее лицо не знает других выражений, кроме безграничной скуки и презрения ко всему окружающему. Челюсти девушки непрерывно работали, пережевывая жвачку с опытностью умудренной жизнью буренки.

– Доброго утрачка, Мила! – радостно улыбнулся ей Гадюкин.

– Доброе утро, профессор, – с неожиданной приветливостью проворковала секретарша, кокетливо хлопая ресницами.

– Ко мне никого не пускать, мы с товарищем ревизором чай будем пить!

– Да мне некогда... – запротестовал Мочальников.

– Бу-дем! – подтолкнул его в спину Гадюкин. – И не возражайте, батенька, и не возражайте, отказа я не приемлю! Чай у меня сегодня замечательный, эвкалиптовый!

Личная территория профессора оказалась несколько... сумбурной. Лаборатории, мастерские и просто жилые комнаты переплетались и пересекались, образуя самые необычные комбинации. Как и многие другие сотрудники, Гадюкин квартировал прямо здесь, в институте, поэтому не покидал рабочего места даже ночью.

Сложнейшие приборы и лабораторные столы, сплошь заставленные химикалиями, соседствуют с мирными дивана-

ми и кофейными столиками. На одном из них в самом деле исходит эвкалиптовым ароматом заварочный чайничек. Мочальников устало вздохнул, понимая, что от чаепития не отвертеться. Ласковый взгляд профессора буквально вдавил его в кресло.

– Лелик, принеси-ка нам сахарку! – крикнул в приоткрытую дверь Гадюкин.

– У-гу... – невнятно пробурчали оттуда.

В следующую секунду Мочальников еще глубже втиснулся в кресло, чувствуя, как глаза вылезают из орбит. Существо, поставившее на стол маленькую фарфоровую сахарницу, выглядит так, будто сбежало из малобюджетного фильма ужасов. Двух с половиной метров росту, горбатый, лоб скошенный, ноздри вывернутые, челюсти выдаются вперед, все мышцы чудовищно гипертрофированы...

– Знакомьтесь, батенька, это мой ассистент, – как ни в чем не бывало улыбнулся Гадюкин. – Лелик, поздоровайся!

– Джу-гу! – прорычал монстр.

– Что... кто это?!

– Говорю же – мой ассистент, – скучаяще ответил профессор. Судя по равнодушным лицам его самого, главбега и непосредственного предмета обсуждения, все они давно привыкли к подобной реакции. – Зовут – Лелик. Просто Лелик, без фамилии.

– И откуда он такой взялся?.. – сглотнул Мочальников, делая еще одну отметку в эль-планшетке.

– Из Эстонии, – ни на миг не задумался Гадюкин.

– Хотите сказать, что он эстонец?..

– Ну да. Чистокровный. Лелик, подтверди.

– Га-ху, – подтвердил Лелик.

– Хотите сказать, что это он говорит по-эстонски?..

– Нет, это он говорит по-русски. Но эстонский он тоже знает. Лелик, скажи что-нибудь по-эстонски.

– Ру-пу-гу! – прорычал великан.

Мочальников нервно посмотрел в его крошечные глазки и решил пока оставить вопрос с происхождением гадюкин-ского ассистента. Но пометку в эль-планшетке сделал.

– Лелик, ты чем был занят, пока мы тебя не побеспокоили?

– Агуг, джага-Га!

– А-а-а, понятно... И кто кого?

– Ры-гы!

– Ну ты бы поддался, что ли... Он же слабей тебя!

– Бра-а...

Ревизор бросил быстрый взгляд в сторону Эдуарда Степановича. Главбез спокойно прихлебывал из чашечки с цветочками, явно считая, что все в полном порядке.

А если что-то и не в порядке, то это временное явление.

– Профессор, может, перейдем к делу? – жалобно попросил Мочальников, когда ему налили четвертую чашку.

– Давайте, – неожиданно согласился Гадюкин, вставая из-за стола. – Вот, батенька, сейчас я вам покажу свои коллек-

ции!.. Идемте!

– Может, что-нибудь более... ну, значительное?..

– Вот, пожалуйста! – совершенно не слушая, открыл просторный шифоньер профессор. – Смотрите, это моя коллекция головных уборов! Мне их отовсюду привозят, все дарят! Вот, смотрите, какое сомбреро! Из Мексики! А вот этот беретик из Франции! А вот это из Штатов – ковбойская шляпа! Турецкий тюрбан! Английский цилиндр!

– Профессор...

– Но вот это – самое мое любимое! – умиленно прищурился Гадюкин. – Смотрите, батенька, какая кепочка! Правда, замечательная кепочка?

– Да, замечательная, но...

– Давайте теперь другую коллекцию посмотрим! – открыл соседний шифоньер профессор. – Тут у меня маски! Смотрите, сколько! Их мне тоже отовсюду привозят! Гляньте – тут и японские, и китайские, и из Сингапура! Вот эту страшную мне коллега из Индонезии подарил! У, какая рожа!.. Вам нравится, батенька?

– Очень, но...

– Да-да, вы правы, не будем терять времени, посмотрим другую коллекцию! – перебежал к другому шифоньеру Гадюкин. – Здесь у меня... мозги!

Мочальников, до сего момента еще сохранявший стоическое выражение лица, почувствовал, как выпитый чай пытается выбраться наружу. Шифоньер оказался морозильной

камерой, облицованной красным деревом. На полочках исходят морозным паром контейнеры, заполненные зеленоватой жидкостью.

И в каждом плавает человеческий мозг.

– Профессор, они что – настоящие? – недоверчиво спросил Мочальников.

– Само собой, батенька, – добродушно посмотрел на него Гадюкин. – Каждый своими руками вынимал... Между прочим, все потенциально живые – каждый можно разморозить и... ну, чего-нибудь с ним сделать.

– И что это за люди... были?.. – с трудом выговорил ревизор.

– Да всякие... Вот этот – коллега один, из-за границы... Вот этот – мой предыдущий ассистент... Вот этот гладенький, почти без извилин – наш предыдущий директор... у нас в НИИ раньше тоже директор был, как у всех. А вот этот – настоящая жемчужина коллекции! Самый настоящий серийный убийца! Маньяк-убийца! Кучу людей прирезал!

– А где вы его взяли?!

– Да был один случай... – отвел глаза Гадюкин. – Помните Снегохода?

– Того, что зимой на женщин охотился? Конечно, помню... так это что, он?! Вы уверены?!

– Ну что ж я, батенька, дурной какой? Конечно, уверен! Своими руками аутопсию делал... кстати, если хотите, тело тоже можно посмотреть. Оно внизу, в хранилище.

Мочальников почувствовал, что ему снова становится нехорошо. Седенький профессор, ласково поглаживающий замороженный мозг серийного убийцы... да, выглядит это жутковато.

– И что вы собираетесь с ним делать?

– Пока не решил, – равнодушно вернул мозг Снегохода на полочку Гадюкин. – Подумываю пересадить в какое-нибудь животное... только с выбором затрудняюсь. Очень уж, знаете ли, у хомо сапиенса мозг крупный – аж полтора килограмма! Из всех сухопутных животных больше только у слона... Но не в слона же мне его пересаживать, верно? К тому же у слона черепная коробка в три раза больше человеческой – там болтаться будет... А жаль – интересный был бы опыт! Пересадить человеческий мозг медведю или, скажем, тигру...

– Профессор, вы что...

– Шутка! – захолопал в ладоши Гадюкин. – Шутка, батенька!

Правда, глаза у него оставались убийственно серьезными.

– Ладно, пойдемте, покажу вам свое хозяйство, – наконец сжалился профессор. – Вот, смотрите, здесь у меня прозекторская... здесь химлаборатория... здесь конструкторский цех... здесь мой личный синхрофазотрон... тут я выращиваю нанокристаллы... а вот тут у меня Лелик!

Мочальников снова почувствовал, что ему как-то не по себе. Горбатый великан, скрючившийся в три погибели за

шахматным столиком, что-то пробухтел, но не шевельнулся. Не двинулся с места и его оппонент – лишь приветственно взмахнул манипулятором.

– Профессор, это кто... что?.. – спросил ревизор, не отрывая взгляда от прозрачного ящичка, в котором бултыхался комок студенистого геля.

– А это, батенька, мое последнее творение – Альберт, – ухмыльнулся Гадюкин. – Он – искусственный мозг!

– И... зачем он нужен?..

– Ну, практического значения пока что не имеет, – согласился профессор. – Мы пока не придумали, к чему его можно пристроить. Он, знаете ли, был создан в качестве этакого «слова престижа»... Сам президент заказец подкинул – утереть нос американским вра... друзьям.

– И что – утерли?

– Даже немного слишком сильно, – противно хихикнул Гадюкин. – Ну что, Альберт, опять проигрываешь?

– Проигрываю, профессор, – грустно ответил студень в ящике.

– Лелика у нас еще никто не обыгрывал, – заговорщицки склонился к ревизору Гадюкин. – Хотите попробовать?

Мочальников скорчил страдальческую гримасу. Профессор снова противно хихикнул.

– Ладно, давайте пойдем посмотреть наши проекты...

Да, НИИ «Пандора» не мог пожаловаться на тесноту. Помещений уйма, а вот сотрудников маловато. Судя по всему,

людей сюда отбирают тщательнее, чем в Звездный Городок.

– Тэк-с, тэк-с, с чего бы нам начать?.. – задал риторический вопрос Гадюкин, входя в обширную лабораторию. – О!.. Вот это очень интересно! Проект «Титан»!

В самом центре возвышается огромный прозрачный контейнер, заполненный бледно-желтой пузырящей жидкостью. От него отходят десятки шлангов и проводов, вокруг мерцают голоэкраны, за пультом восседает худощавый старик в белом халате.

А в контейнере плавает обнаженный мужчина – рослый, мускулистый, обритый наголо, сплошь усеянный сизыми шрамами.

– Позвольте представить вам Георгия Павловича Ефремова! – махнул рукой Гадюкин.

– Здравствуйте, Георгий Павлович, – кивнул старику за пультом Мочальников.

– Нет-нет, батенька, вы не поняли, – замахал руками Гадюкин. – Это – профессор Снергиенко, наш ведущий генетик. Добрый день, Владимир Васильевич.

– Добрый день, Аристарх Митрофанович, – кивнул Снергиенко.

– А Ефремов – тот, что в репликаторе... – погладил гладкую поверхность Гадюкин. – Майор Ефремов! Лет двадцать назад был лучшим нашим суперагентом – русский Джеймс Бонд, если хотите... Правда, сейчас ему уже под шестьдесят, так что в последние годы у него было не так много заданий...

Очень храбрый человек – риск эксперимента чрезвычайно высок, шансы на успех всего несколько процентов, но он все равно вызвался добровольцем!

– А в чем конкретно состоит... эксперимент? – осторожно спросил Мочальников.

– Первая стадия – хирургическая, она уже закончена. В мозг Георгию Павловичу мы вживили золотые электроды, полностью блокирующие болевые ощущения, все кости до единой заменили титановыми протезами, а под кожу вживили тончайшую сеть из дюрасплава. А теперь вот работаем с его генной структурой. В данный момент – омолаживаем. Как видите, на шестьдесят он уже не выглядит – от силы на сорок. Потом будем наращивать резервы мозга и нервов, улучшать рефлексы, ускорять метаболизм, уплотнять мышцы... По нашим расчетам, когда Георгий Павлович выйдет из этого контейнера, он сможет одной рукой поднять двухсоткилограммовую штангу, без разбега перепрыгнуть трехметровый забор, задержать дыхание на десять минут, регенерировать поврежденные органы, увернуться от летящей пули... или даже поймать ее голой рукой!

– И что потом?

– А это уже решать правительству – для чего его будут применять, – развел руками Гадюкин. – Думаю, опытный суперагент с такими способностями для чего-нибудь да пригодится... но это все ерунда! За мной, батенька, сейчас я вам покажу кое-что гораздо более замечательное!

Не дав Мочальникову опомниться, Гадюкин рванул по коридору – к большой белой двери. С каждым шагом все слышнее становилось постукивание, шорох, писк... пока ревизор не увидел своими глазами, что их издает.

– Глядите, батенька, какая прелесть! – умиленно сложил руки Гадюкин.

В помещении размером со школьный спортзал разместилось диковинное устройство, похожее на исполинское беличье колесо с десятками колес поменьше. И в каждом колесе со всех лап бегут, все равно оставаясь на одном месте, пушистые зверьки с коротенькими хвостиками...

– Это, батенька, мое хомяковое динамо! – громко похвастался профессор, перекрикивая шум. – Замечательно, правда? Четыреста восемьдесят хомяков! Они все время бегут, бегут, бегут, бегут, бегут, крутят свое колесо... и вырабатывают электроэнергию! Не очень много, правда.

Мочальников набрал в рот воздуха и принялся ожесточенно выстукивать что-то в эль-планшетке. Писк и шорох сотен лапок совершенно не давали сосредоточиться. К тому же в затылок постоянно дул вентилятор...

– Галочка, Галочка, а почему вы халтурите?! – сердито воскликнул Гадюкин. – Время уже три минуты третьего, хомякам кушать пора!

– Сейчас, сейчас, Аристарх Митрофанович! – крикнули из-за динамо.

Оттуда вышла полная краснощекая женщина – она опу-

стила большой рубильник, и раскрутившееся колесо начало медленно останавливаться. Усталые хомяки по очереди выбрались наружу и привычно устремились к выстроившимся вдоль стены ящичкам.

Мочальников изо всех сил старался не шевелиться – ноги затопил живой шевелящийся ковер. Но через несколько секунд хомяковое цунами схлынуло. Из ящичков единым хором зазвучал мощный хруст – наступило время обеденного перерыва.

Ревизору показалось, что с остановкой динамо в зале изменилось что-то еще. Потом он понял – выключился вентилятор, до этого непрерывно дувший в затылок. Недоверчиво повернувшись к профессору, Мочальников спросил:

– Это динамо... его что, хватает только на этот вентилятор?!

– Ну да, батенька, – счастливо кивнул Гадюкин. – Все-таки хомяки – это вам не Ниагарский водопад, целый город осветить не смогут...

– И... каково же тогда практическое значение этого... эксперимента?..

– Практическое?.. – не понял Гадюкин.

– Ладно, забудьте...

– А что такое? – забеспокоился Гадюкин. – Думаете, мало хомяков?.. Может, стоит еще добавить, а?..

– Я думаю – слишком много.

– Нет, батенька, вот тут-то мы вас и поправим! – хитро

пришурился Гадюкин. – Хомяков слишком много не бывает!

– Ясно. Скажите, профессор, а почему именно хомяки? Почему не обычные лабораторные крысы?..

– У хомяков КПД больше.

Увидев хомяковое динамо, Мочальников решил, что больше его уже ничто не удивит. Однако ошибся.

Его вывели во двор, больше похожий на обычную свалку. Кучи ржавых обломков непонятного происхождения, ветхие вагончики, антикварные механизмы всех сортов... даже горнопроходческий комбайн!

Но не это так удивило Мочальникова. Его удивила бронзовая статуя, возвышающаяся в самом центре. Лысый человек невеликого роста указывал куда-то вдаль и хитро шурился.

– Это, батенька, наш памятник Ленину! – послышался голос Гадюкина. – Симпатичный, правда?

– А откуда он у вас?

– Да случайно. Понимаете, заказали мы статую металлическую... любую, лишь бы не слишком маленькую! Ну а там, видно, люди с юмором работают – прислали нам Ленина списанного...

– А зачем вам металлическая статуя?

– А это у нас, батенька, семь лет назад был проект «Талос»! – горделиво сообщил Гадюкин. – Замечательный проект, интереснейший!

– И в чем же он заключался?

– А я вот вам сейчас покажу! – оживился профессор, извлекая из кармана сложный многофункциональный пульт. – Тэк-с... ага... вот, смотрите!

Вот тут-то Мочальников и понял, что для безумного гения Гадюкина хомяковое динамо – это еще далеко не предел...

Памятник Ленину вздрогнул, зашевелился и... сошел с пьедестала! Вождь мирового пролетариата согнул руки в локтях и обратил на людей взор неживых глаз. В них загорелись тусклые огоньки – похоже, памятник плотно начинили электронной требухой, превратив в самого настоящего робота.

Повинуясь создателю, бронзовый Ильич с легкостью поднял остов древнего автомобиля и отнес к огромному прессу. Удар, шлепок – и по конвейеру едет железный блин. А памятник разворачивается к следующему авто, взваливает его на плечи и вновь тащит к прессу...

– Мы его в прошлом году на лесопилку напрокат сдавали! – похвастался Гадюкин. – Знаете, как он замечательно бревна таскает! Залюбуешься!

– И что же стало с этим проектом? Его развили?

– Нет, закрыли, – лениво отмахнулся профессор. – Очень уж дорого такой грузчик обходится – как дюжина подъемных кранов... Не окупается, знаете ли. Выглядит, конечно, эффектно... но эффективность и эффективность – это, батенька мой, две большие разницы...

Следующим на очереди стало приземистое здание из се-

ребристо-белого металла, поблескивающего в лучах солнца. У входа курили двое неприметных мужчин. На Гадюкина и Эдуарда Степановича они глянули лишь мельком, а вот Мочальников словно попал под рентген – так пристально на него уставились.

– Здесь, батенька, мы испытываем заказы министерства обороны, – оживленно сообщил Гадюкин, заводя ревизора в ближайшую дверь. – Вот, глядите – здесь мы держим образцы ручного оружия. Музей своего рода.

Мочальникову показалось, что он попал в инопланетный арсенал – столько смертоносных железяк разместилось на полках.

– И все они разработаны вами? – ужаснулся он.

– Ну, не только мной лично... – Гадюкин скромно поковырял пол носком ноги. – Но я приложил к этому руку, батенька, еще как приложил! Вот, смотрите, это мое давнишнее – акустиган...

Мочальников посмотрел без особого интереса – в милиции и частных охранных структурах акустиганы используются уже лет пять.

– Принцип действия знаете?..

– Примерно...

– Понятно. Ну, здесь у нас упрощенная модель – только для оглушающего режима, – пояснил Гадюкин. – Издает воющий звук высокой частоты и нарушает у жертвы чувство равновесия. От этого та, само собой, валится с ног или да-

же теряет сознание... Удобная штука! Для дезориентации и обезвреживания – лучше и не придумаешь... А вот, смотрите, это наш проект «Зевс»!

Профессор сунул Мочальникову легкую изящную штучку-вину, похожую на автомат с телевизионной антенной вместо дула. Тот замер, с опаской глядя на загадочное оружие.

– Я называю это фулминатором, – поделился профессор. – Он стреляет мощными пучками электроэнергии... да вы сами попробуйте! Вон мишень на стене – пальните, батенька!

Мочальников было запротестовал, но профессор так умоляюще скривил губы... Ревизор очень неохотно ухватил фулминатор поудобнее и надавил спусковой крючок.

Пальнул он впечатляюще, что и говорить! Ослепительный белый сноп шархнул так, что Мочальников на миг ослеп. Доска для игры в дартс, которую Гадюкин назначил в качестве мишени, осыпалась на пол кучкой пепла.

Проморгавшись, ревизор обнаружил, что профессор и главбез успели надеть темные очки и явно удивлены, отчего он не сделал того же. Гадюкин наклонился к своему детищу и въедливо спросил:

– Не гудит? Не вибрирует?

– Нет, ничего такого...

– Очень хорошо, батенька. Понимаете, проект «Зевс» мы пока что закрыли до лучших времен. Никак не можем преодолеть один маленький дефект. Там внутри – очень мощный генератор... и он очень легко перегревается. А когда он

перегревается – он взрывается. Примерно в десяти процентах случаев. Выстрелишь... и сразу отшвыривай подальше, а то без рук останешься! Конечно, в массовое производство такое выпускать нельзя...

– Профессор, вы... вы это серьезно?! – торопливо выпустил из рук опасную штуковину Мочальников.

– Шутка! – осклабился Гадюкин. – Шутка, батенька!

– Ф-фу...

– Не в десяти, а в пятнадцати процентах.

– И вы позволили мне?... мне?... мне?..

– Что-то вы, батенька, заикаться начали, вам бы водички выпить, – заботливо предложил Гадюкин. – Да вы не волнуйтесь – не взорвался же? У меня, знаете, недавно родилась идея, как этот дефект преодолеть. Хочу вставить туда охлаждающий предохранитель. Весить, правда, будет тяжелее, но зато риск частично устраним.

– Частично?!

– Снизим на три процента.

Мочальников покачал головой, вздохнул, а потом очень тихо сказал:

– Профессор... но я же мог погибнуть.

– Ага, мог! – радостно закивал Гадюкин.

Ревизор посмотрел на его счастливую улыбку и особенно ожесточенно застрочил в эль-планшетке.

– А это что такое? – спросил он, переводя взгляд на соседнюю полку. – Чайник?

– Бомба. Не трогайте, батенька, она не терпит неверного обращения.

– А почему она в виде чайника?

– А почему бы ей не быть в виде чайника? – пожал плечами Гадюкин. – Мне нравятся чайники.

Мочальников задумался. Сказанное звучало вполне логично, и он не нашелся, что ответить.

У профессора Гадюкина все всегда звучало вполне логично.

– Хорошо, а что вы здесь разрабатываете сейчас? – спросил он, выходя из музея.

– А вот это, батенька, – открыл дверь Гадюкин. – Добрый день, Семен Макарович.

– Добрый день, Аристарх Митрофанович, – кивнул маленький полный профессор, возящийся с приборной панелью.

Четверть комнаты занимала матово-черная коробка с бесчисленным множеством крохотных экранчиков и одним-единственным здоровенным рубильником. От нее ощутимо пахло озоном.

– Что это такое? – подозрительно сощурился Мочальников.

– Наша новейшая разработка, – сообщил Гадюкин. – Оружие массового уничтожения. Правда, уничтожает оно не всех подряд, а только некоторых. Оно, знаете ли, испускает такое специальное излучение, влияющее лишь на небольшой

процент живых существ... довольно специфический процент...

– А в действии можно увидеть?..

– Лучше не стоит. На меня это излучение не подействует, я проверял. И на Эдуарда Степановича не подействует. И на Семена Макаровича. А вот насчет вас я уверен не полностью... – задумался Гадюкин. – Да, лучше не рисковать...

– Ясно, – открыл эль-планшетку Мочальников. – И как же этот прибор называется?

– Официального названия у него пока нет – не придумали пока что. А неофициально мы его называем «Антиахтунг». Правительственный заказ, батенька. Сейчас мы его совершенствуем – президент лично просил увеличить мощность и радиус действия. Чтоб единым ударом можно было охватить целый город.

Гадюкин немного подумал и добавил:

– В принципе, мы уже неплохо в этом направлении продвинулись... Если его сейчас включить, так мы треть Москвы разом зачистим... Может, попробовать?..

– Без команды сверху нельзя, – напомнил Эдуард Степанович.

– Ладно, подождем официальной команды... – потер ладошки профессор. – Ну что, батенька, достаточно посмотре-ли?

– Да, думаю, достаточно, – сделал последнюю отметку Мочальников. – Вполне насмотрелся. Проводите меня к выхо-

ду.

– Конечно, батенька, конечно... Давайте обратно пройдем цокольным этажом – так быстрее будет...

Оказалось, что под НИИ «Пандора» скрывается целый подземный комплекс. Скупое освещенные коридоры потянулись нескончаемой вереницей, время от времени образуя ответвления или заканчиваясь непроницаемыми металлическими дверьми. Профессор Гадюкин вышагивал неторопливо, время от времени взмахивая руками и комментируя:

– Там у нас виварий... а там ядерный реактор... а там сборочный цех...

– А здесь что? – остановился перед неприметной дверью Мочальников. Возле нее стоял хмурый детина с автоматом, а это обычно сразу привлекает внимание.

– Это наш проект «Центавр», – взял его под локоток Гадюкин. – Но вам, батенька, туда нельзя, высокий уровень секретности...

– Профессор, у меня шестой допуск, мне везде можно!

– А сюда нужен седьмой допуск, батенька, – ласково пропел Гадюкин, указывая на маленькую табличку.

– Седьмой?! Да что у вас там такое – инопланетяне?!

– Угадали, батенька, инопланетяне! – радостно закивал Гадюкин.

– Все шутите, профессор... – вздохнул Мочальников, позволяя увести себя от загадочной двери, но все же делая очередную пометку в эль-планшетке.

– Шучу-шучу, батенька! – еще радостнее закивал Гадюкин.

Просторный белый вестибюль, насквозь пропахший хлоркой, был встречен с великим облегчением. Мочальников уже не мог смотреть на каменное лицо особиста без фамилии и неизменный ласковый прищур профессора Гадюкина.

Ревизор сделал последнюю отметку в эль-планшетке и шагнул к выходу.

– Так что, батенька, вам у нас понравилось? – встал на пути Гадюкин.

– Нет, не понравилось. У вас, профессор, уж простите, здесь самый настоящий сумасшедший дом. К тому же вы проводите эксперименты... весьма сомнительные эксперименты...

– И вы представите Комиссии доклад об этом, да?..

– Непременно, – пообещал Мочальников. – Самый подробный и беспристрастный.

– Замечательно! – сложил руки на животе профессор. – Грандиозно! Ну, не буду вас задерживать, ступайте, ступайте... хотя подождите! Задержитесь-ка, батенька, мы вам самое интересное показать забыли!

– Ну что там еще? – страдальчески посмотрел на него Мочальников.

– А вот, смотрите! – Гадюкин заговорщицки улыбнулся и жестом фокусника выдернул из-за спины нечто вроде пистолета с присоской. – Это, батенька, наш проект «Мнемози-

на»! Вообще-то, он закончился неудачей, но один интересный побочный эффект все же был воплощен в жизнь...

– Профессор, побыстрее можно? – взглянул на часы Мочальников.

– Конечно, батенька! Проект «Мнемозина» имел конечной целью дать человеку возможность читать мысли ближнего своего! Мы рассчитывали соорудить такой своего рода мозговой сканер... но увы, увы! К сожалению, выяснилось, что телепатия полностью и совершенно антинаучна! Зато мы соорудили вот это! Мемокорректор!

– И что же он делает? – устало спросил ревизор, не особо и вслушиваясь в объяснения профессора.

– О, батенька, вы будете поражены! Мемокорректор полностью вычищает из мозга кратковременную память, начиная с последнего периода сна... ну это как у компьютера очистить оперативную память, понимаете?.. А затем, после очистки, подопытному можно внушить какие угодно ложные воспоминания... однако они, увы, держатся очень недолго. Ровно до следующего периода сна – после этого подопытный забывает обо всем напрочь. Понимаете?..

– Понимаю. И зачем это нужно?

– Как это зачем, батенька? – искренне удивился Гадюкин, поднимая мемокорректор на уровень глаз.

А потом нажал кнопку.

Спустя час Мочальников вышел из ворот НИИ «Пандо-

ра». Профессор Гадюкин потряс ему руку, широко улыбаясь, и Мочальников улыбнулся в ответ.

– Вы планшетку забыли, – подошел Эдуард Степанович. – Возьмите и больше не теряйте.

– Большое спасибо, – пожал и ему руку ревизор, продолжая глупо улыбаться. – Большое спасибо. До свидания. До свидания.

Резко развернувшись, он зашагал к машине, слегка дергая правой щекой и ощутимо кренясь влево. Гадюкин и Эдуард Степанович смотрели ему вслед.

– Профессор, а он точно не спятит? – усомнился Эдуард Степанович.

– Ну в прошлый же раз не спятил?

– Так-то оно так... Но все-таки как-то неудобно получается. В пятый раз уже ему память стираем...

Вычеркнуть невозможное

Береза сломалась в шесть часов одиннадцать минут.

Человек, сделавший это, хрустнул шеей и повел плечами. Под кожей волнами заходили мускулы. Некоторое время человек стоял неподвижно, словно прислушиваясь к чему-то, а потом медленно зашагал к воде.

Погрузившись до пояса, он остановился и сделал глубокий вдох. Очень глубокий. На каменном лице ничего не отражалось, только крылья носа чуть заметно вибрировали. Задержав дыхание, человек зашагал дальше, пока не погрузился с головой. Вода сомкнулась над бритой макушкой, и воцарилась тишина.

Человек не выныривал почти десять минут. Но наконец вода расступилась, и он вышел на берег – все такой же спокойный и невозмутимый.

– Как мои результаты, профессор? – спросил он.

Другой человек, сидящий на камне, был полной противоположностью вынырнувшему. Невысокий, полноватый, лысоватый, румяный – удивительно безобидный на вид. Он жизнерадостно улыбнулся своему собеседнику, щелкнул хронометром и сказал:

– Недурно, батенька. Очень недурно. Девять минут сорок две секунды.

– Это ведь хорошо?

– Это удовлетворительный результат. Но недостаточный. Вы способны на гораздо большее, Георгий Павлович.

Ефремов пожевал губами, с сомнением глядя на профессора. Способен на гораздо большее? Не очень верится.

Аристарх Митрофанович Гадюкин – величайший ученый современности. Именно он благополучно завершил крайне рискованный проект «Титан», результатом которого стал майор Ефремов. Три недели назад майор покинул инкубационную капсулу, и с тех пор постоянно находился на тестировании.

Его тестировали, как новую модель самолета – беспощадно гоняли по тренажерам, подвергали немислимым испытаниям, заставляли проделывать самые фантастические кунштюки. Все, кто видел это, пребывали в полном восторге.

И лишь профессор Гадюкин не выглядел довольным. Кажется, он ждал чего-то большего. Вышедший из капсулы суперсолдат полностью соответствует заложенным параметрам – без труда поднимает двести килограмм одной рукой, без разбега прыгает на три метра в высоту и на двадцать пять – в длину, задерживает дыхание на десять минут, бегает со скоростью мотоцикла, практически не устает, обладает сверхбыстрыми рефлексами и даже способностью к регенерации.

Сверхчеловек.

Но Гадюкин этим не удовлетворился. И вчера он решил провести первые испытания в полевых условиях. Они с Еф-

ремовым покинули территорию НИИ «Пандора» и пешим ходом отправились сюда – на берег небольшой речки. Рядышком раскинулась березовая роща, а на другом берегу – пшеничное поле.

Гадюкин поворошил угли в костре, выискивая самые горячие. Облюбовал одну головешку – раскаленную докрасна, пышущую жаром – и попросил Ефремова:

– Подайте-ка мне вон ту штучку, батенька.

Ефремов потянулся за палкой. Но Гадюкин помотал головой и сказал:

– Нет-нет, руками. Руками ее возьмите.

После секундной паузы майор неохотно коснулся углей. Брать голой рукой раскаленную головешку... что профессор хочет доказать? Несмотря на все технические улучшения, Ефремов все-таки не робот и не индийский факир.

– Вот, – наконец поднял он головешку. – Зачем она вам, профессор?

– Мне – низачем. Лучше расскажите о своих ощущениях, батенька. Чувствуете что-нибудь?

– Горячо, – пожал плечами Ефремов.

– Все?

– Все.

– Не больно?

– Не больно.

– Ладонь как, нормально?

– Нормально.

– Кожа в порядке?

– В полном, – переложил головешку в другую руку Ефремов.

– Ожогов нет?

– Нет. Просто горячо.

– Насколько горячо? Терпимо или невыносимо?

– Выносимо. Как чашка с горячим чаем.

– Ага, ага... И долго вы так сможете эту штучку держать?

– Сколько понадобится. Мне не больно, профессор.

– Конечно, не больно. Вы, батенька, не чувствуете боли.

Совсем. И кожа у вас синтетическая, огнеупорная.

– Я знаю, профессор.

– Знаете... А почему же вы тогда колебались, батенька?

Почему медлили перед тем, как поднять головешку?

Ефремов немного помолчал, обдумывая ответ. Потом он медленно сказал:

– Наверное, я еще не привык.

– Вот именно, батенька, вот именно, – закивал Гадюкин. –

Не привыкли вы еще, Георгий Павлович. Не привыкли. Посмотрите на ту березу – она всего лишь сломалась пополам...

– Сломалась. А это плохо?

– Не плохо. Недостаточно. Если бы вы били в полную силу, она бы не просто сломалась – она бы улетела на другой берег. Но вы ударили слабее, чем можете. А ваше погружение!..

– А что с ним не так?

– Девять с половиной минут. Это далеко от вашего порога, батенька. Вы могли оставаться там еще столько же.

– В техданных сказано, что только десять минут.

– Это норматив, батенька. Норматив. А порог у вас гораздо выше. Но вы почувствовали, что в легких осталось мало воздуха, и вынырнули. Однако ваш организм – идеальная машина. Даже после полного окончания кислорода вы можете успешно действовать еще семь с половиной минут. Почему же вы вынырнули раньше?

Ефремов покаянно опустил голову.

– Вы делаете серьезную ошибку, батенька, – внимательно посмотрел на него Гадюкин. – Вы все еще подсознательно воспринимаете себя как обычного человека. Сами себя загоняете в рамки. Но вы – сверхчеловек! Вы величайший триумф моего гения! Поверьте в свои силы! Выйдите за границы дозволенного! Перепрыгните на другой берег!

– Я плохо понимаю метафоры, профессор... Хотелось бы немного поконкретнее...

– Куда конкретнее-то, батенька? Перепрыгните на другой берег! Вон на тот, где пшеничка растет.

Ефремов недоверчиво моргнул. В буквальном смысле перепрыгнуть на другой берег? Но ширина реки почти семьдесят метров!

Профессор насмехается над ним? Сила, скорость и выносливость проекта «Титан» превышают человеческие в разы, но ему все равно не удастся преодолеть даже половину такой

дистанции.

Это просто невозможно!

– Профессор, но это невозможно, – виновато произнес Ефремов. – Простите.

– Невозможно? Но вы же даже не попробовали.

– Хорошо, я попробую.

Майор отошел на добрых полкилометра. Конечно, перепрыгнуть реку не удастся, но надо хотя бы показать наилучший результат из возможных. Усовершенствованный человек глубоко задышал, прижал локти к бокам и сорвался с места, со страшной силой набирая скорость.

Через несколько секунд Ефремов достиг восьмидесяти километров в час. Предел. Еще быстрее невозможно. Невозможно. Едва касаясь земли ногами, он подлетел к самой воде... и взмыл в воздух.

Гигантский прыжок. Поистине гигантский. Почти три секунды Ефремов парил в воздухе, подобно птице.

Но потом упал.

В воду.

Вынырнув, Ефремов внимательно посмотрел на другой берег. Как и ожидалось, до него осталось еще почти сорок метров. Он допрыгнул только до середины. И это просто фантастический результат. Почти вчетверо больше мирового рекорда.

Но Гадюкин встретил вышедшего на берег Ефремова грустным взглядом.

– Я же говорил, профессор, – произнес майор. – Это невозможно.

– Невозможно?! – вскипел Гадюкин. – Не произносите при мне этого слова, батенька! Забудьте слово «невозможно»! Вычеркните его из своего разума! Нет ничего невозможного для настоящего человека!

– В теории – может быть. Но на практике...

Гадюкин покачал головой и уныло вздохнул. Кажется, он остался ужасно разочарован.

– Пойдемте, Георгий Павлович, – поднялся на ноги профессор. – Прогуляемся по лесу.

– Зачем?

– Попробуем обучать вас по методу перипатетиков.

– Кого?..

– Прогуливающих. Так называли учеников Пифагора – за то, что он предпочитал проводить занятия на ходу, во время прогулки.

– Я не понимаю, профессор. Зачем это все?

– Смирно, майор Ефремов! – повысил голос Гадюкин.

Ефремов вытянулся в струну и застыл. Руки вытянулись по швам, все мускулы на лице окаменели. Только чуть заметно подрагивающие зрачки еще выдавали в нем живое существо.

– Майор Ефремов! Убрать кострище!

– Принято! – гаркнул Ефремов, срываясь с места и принимаясь затаптывать угли.

Не оставив ни единой тлеющей головешки, усовершенствованный человек с бешеной скоростью забросал пепел землей. Выровняв площадку до идеально ровного состояния, он повернулся к профессору и отрапортовал:

– Исполнено!

– Хорошо. А теперь берите рюкзак и следуйте за мной. Заодно и грибочков пособираем – сейчас как раз сезон. Я, знаете ли, завзятый грибник!

Ефремов молча взвалил на плечи рюкзак.

Вообще, формально профессор не имеет права им командовать. Он человек сугубо штатский, а Ефремов – военный. Вот были бы на плечах профессора погоны, Ефремов и не подумал бы обсуждать приказы. Но подчиняться штатскому... непривычно.

– Давайте еще разок, батенька, – предложил Гадюкин, вороша носком ботинка опавшие листья. – Вот вам веточка. Сломайте ее.

Ефремов послушно сломал протянутую веточку двумя пальцами. Гадюкин удовлетворенно кивнул и протянул другую веточку – потолще. Ефремов сломал и ее.

– А теперь, батенька, сломайте-ка целый пук веточек!

Ефремов чуть напрягся... и с хрустом переломил протянутый пук надвое.

– Вот видите. Сломали. Сему мораль – вы, батенька, и один в поле воин. Только вам нужно поверить в себя по-настоящему. Вон дуб. Вырвите его с корнем.

– Но профессор, вам не кажется, что это уже чересчур...

Сломать пук веток – это не то же самое...

– Майор Ефремов! Вырвать дуб!

– Принято! – машинально ответил Ефремов, бросаясь к дереву.

Однако вырвать его оказалось не так-то просто. Могучий лесной великан врос в землю намертво. Ствол такой толстый, что и вдвоем не обхватишь. На скулах Ефремова вздулись желваки, на лбу запульсировала вена, мышцы взбугрились так, что страшно взглянуть – но дуб даже не шелохнулся.

– Профессор, без экскаватора я не справлюсь, – виновато отрапортовал майор, наконец оставляя дерево в покое.

Гадюкин снова вздохнул. Испытуемый упорно не желает сотрудничать.

– Батенька, сейчас я скажу вам кое-что важное. Слушайте, пожалуйста, очень внимательно.

– Да, профессор.

– Наш президент – полный идиот!

– Э-э... допустим. А какое это имеет отношение...

– Никакого. Но это очень важно. Идемте.

Через несколько минут Гадюкин и Ефремов вышли на поляну. Профессор радостно потер руки и произнес:

– Смотрите, батенька, да у нас компания!

С противоположной стороны поляны на него уставились пять пар глаз. Три парня и две девушки. Все молодые,

студенческого возраста. Одеты весьма необычно для этих мест – в какие-то плащи, мантии, камзолы. Паренек в очках держит гладко обструганную палку, у другого – сувенирный меч, одна из девушек вооружена луком.

– Здравствуйте, молодые люди! – широко улыбнулся Гадюкин.

– Здравствуйте... – нестройно ответили ему.

На неожиданных гостей молодые люди посмотрели не слишком дружелюбно. Парень с мечом спрятал оружие за спину и скорчил такую мину, словно его застигли со спущенными штанами.

– Кто это, профессор? – негромко спросил Ефремов.

– Да это, батенька, ролевики. Они в этих местах постоянно съезды устраивают.

– Ролевики? А что это такое?

– Что-то вроде любительского театра на сказочную тематику. Только без зрителей и на открытом воздухе. Да вы не волнуйтесь, батенька, они нам не помешают. А мы им. Мы ведь вам не помешаем, товарищи? – возвысил голос Гадюкин, обращаясь к молодым людям.

Те вяло замотали головами. К постоянной конкуренции со стороны грибников они уже привыкли. Те тоже не обращали особого внимания на странных ребят в маскарадных костюмах. Лишь бы грибы не трогали.

– Дедуль, а у тебя огоньку не будет? – окликнул один из парней.

– Курить вредно, молодые люди! – строго сказал Гадюкин, грозя пальцем. – Это я вам как профессор биологических наук говорю!

– Да нам не курить, нам костер разжечь...

Гадюкин деловитой походкой прошагал к ролевикам и жалостливо осмотрел собранную ими кучку хвороста. Мелко хихикнув, профессор спросил:

– А что же это вы, молодые люди, ни спичечек в поход не прихватили, ни зажигалочки?

Лидер группы стыдливо опустил глаза. Что поделаешь, в команде у него сплошь новички. Оксанка с Володькой вообще первый раз в жизни на природе без взрослых. Да и у остальных с опытом негусто.

В том числе и у него самого.

– Ладно, молодые люди, найдем мы вам спички, – сжалился Гадюкин. – Сейчас посмотрим, что у меня есть в карманах... а ведь и нету ни черта.

– Что, нету спичек? – разочарованно протянул лидер группы.

– Нету! – расплылся в доброй улыбке профессор.

– И что же нам тогда делать?

– А вы фаербольчик киньте!

– Дед, ну хорош прикалываться... Может, зажигалка есть?

– Зажигалки тоже нету. Огнемет подойдет?

– Дед, ну я же сказал – кончай прикалываться...

– А кто прикалывается? – искренне удивился Гадюкин,

доставая из кармана... огнемет.

Очень миниатюрная модель, складной. Профессор сам его сконструировал и собрал – на досуге, из подручных материалов. И теперь он двумя быстрыми движениями раскрыл огнемет, как перочинный нож, надавил на крохотный рычажок и торжествующе воскликнул:

– Фаербоооооол!!!

Из выдвинутого раструба хлынул поток раскаленного газа. Хворост вмиг охватило пламенем. Гадюкин радостно засмеялся, крепко держа самодельное оружие.

Он всегда любил веселую шутку.

Горючей жидкости в этой крохотульке хватило всего на три секунды. Изрыгнув бурный пламенный поток, огнемет захлебнулся и смолк. Гадюкин очистил его носовым платком, спрятал в карман и гордо подбоченился.

– Ёпта... – чуть слышно произнес один из ролевиков.

Остальные молча таращались на пылающий костер.

– Вот так-то, молодые люди, – поучающе заметил Гадюкин. – Из любой ситуации всегда найдется выход. Главное – не падать духом и всегда носить в кармане огнемет. Это вещь нужная, поверьте моему жизненному опыту.

Лидер группы медленно кивнул, не отрывая взгляда от костра. Он решил соглашаться со всем, что скажет этот чудакватый старик. Просто на всякий случай.

– Ну ладно, молодые люди, не будем вам больше мешать, – вежливо кивнул Гадюкин. – Оставляем вас в покое.

– Спасибо вам, дедушка, – искренне поблагодарил лидер группы. – До свидания.

– До свидания! – нестройно попрощались остальные, с опаской косясь на уходящего Гадюкина.

Ефремов задумчиво почесал переносицу. Привычным, машинальным и совершенно ненужным движением. Переносица несколько не чесалась.

А Гадюкин с довольным видом собирал грибы. Он отыскал целую россыпь молодых подберезовиков, и теперь аккуратно срезал их ножом. За неимением корзины профессор складывал добычу в полиэтиленовый пакет.

– Смотрите, батенька, какая прелесть! – поделился радостью Гадюкин. – Великолепный образец *laccinum scabrum*! Замариную – просто чудо что такое будет! Не увлекаетесь?..

– Собираем грибы? Не особенно.

– А вот и зря! Зря! Это, батенька, занятие очень, знаете ли, медитативное, способствующее... м-м... я не помню, чему именно, но способствующее. Обязательно обратите внимание.

Через некоторое время Гадюкин и Ефремов вышли на шоссе. Мимо просвистел автомобиль. Судя по весьма характерному запаху – один из старинных, бензиновый. Сейчас такие встречаются относительно редко – очень уж подорожала нефть. Все больше водителей пересаживается на спиртовые, биотопливные, электрические авто. В стенах НИИ «Пандора» уже подходит к завершению проект двигателя, способ-

ного работать на простой воде, разлагая содержащийся в ней водород.

Гадюкин поднял руку, ловя попутку. Ефремов вопросительно посмотрел на него – сюда они с профессором шли пешком, – но ничего не сказал.

Три первых экипажа пролетели мимо. А четвертый остановился. Небольшая японская «Кайсоку», на жидкоугольном топливе. Сами японцы такими почти не пользуются – эта модель большей частью идет на экспорт – в Россию и ЕЭС. Поэтому и руль слева.

Водитель – лысоватый дядечка лет сорока – вопросительно уставился на Гадюкина. Тот наклонился к окну и деловито спросил:

– За десятку до города – как?..

– Маловато, – поочевряжился водитель. – Еще пятерку накинь.

– Да вы бога побойтесь, батенька! – возмутился профессор. – Что я, по-вашему, эти деньги печатаю?! Да тут и ехать-то минут десять всего! Мы и пешком легко дойдем!

– Ну так и идите пешком, – пожал плечами водитель.

Однако уезжать не торопился – выжидающе смотрел на Гадюкина. Тот ничего не говорил, лишь скучающе рассматривал облака.

– Ладно, залезайте, – вздохнул водитель. – За десятку.

Гадюкин плюхнулся на переднее сиденье и сразу развернул эль-планшетку. Пристегнуться он даже не подумал. Про-

фессор Гадюкин не пристегивался даже в самолете.

– Вы, батенька, местный? – поинтересовался он, двигая по экрану курсор.

– Ага, – коротко ответил водитель.

– А грибочками не увлекаетесь ли? У меня тут их целый пакет!

– Сушить будешь? – проявил некоторый интерес водитель.

– Мариновать.

– Тоже хорошо. А у меня вот жена сушит.

Машина свернула на второстепенную дорогу и сразу пошла медленнее. Пассажиров затрясло по колдобинам. Водитель чертыхнулся сквозь зубы.

– В космос летаем, а нормальных дорог сделать не можем... – вслух пожаловался он.

– Климат, батенька, климат, – посочувствовал Гадюкин. – При наших зимах хоть какую дорогу укладывай – долго не продержится.

– Да ну? – не поверил водитель. – А как же в Канаде справляются тогда? Там зимы тоже ой-ей-ей!..

– А вы были в Канаде?

– Был... лет пять назад. У меня там тесть.

– Тесть в Канаде – это хорошо. Так говорите, у них там дороги хорошие?... – задумался Гадюкин.

– Очень даже.

– И в самом деле, непорядок... Пора бы нам уже что-то с

этим делать, пора...

– Не то слово. Только что делать-то?

– Ну, можно Канаду разбомбить... – рассеянно сказал Гадюкин. – Тогда у них дороги хорошими не будут... кстати, а чего это мы свернули-то, батенька?

– На дорогу надо смотреть. Там знак был – объезд, дорожные работы.

– А-а... Ну пардоньте меня, батенька, не разглядел.

Объезд закончился, и машина вернулась на главную дорогу. Сразу стало видно, что знак поставили не просто так – на обочине, в канаве, куковал старенький «Енисей». Продукция российского автопрома не справилась с развороченной дорогой, и самым плотным образом застряла, пытаясь объехать опасный ухаб.

Водитель «Кайсоку» снизил скорость, а потом совсем остановился. Снисходительно поглядев на незадачливого коллегу, он хмыкнул:

– Что, объезжать поленился?

Водитель «Енисея» мрачно отмахнулся. Он уже десять минут корячился, пытаясь освободить свою лоханку.

Гадюкин высунулся из окна, с интересом наблюдая за его усилиями. Доброе лицо профессора озарилось улыбкой. Он повернулся к скучающему на заднем сиденье Ефремову и скомандовал:

– Майор Ефремов! Поднять автомобиль!

– Принято! – рефлекторно отрапортовал тот, выскакивая

из машины.

Сделав несколько шагов, Ефремов сообразил, что выполнить приказание не сможет. Всей его сверхчеловеческой силы не хватит на такую тяжесть. Но тело двигалось уже само, машинально реагируя на полученную команду.

И через несколько секунд Ефремов пораженно понял, что без особого труда отрывает «Енисей» от земли. Пальцы вошли в железо, как в мягкую глину. С переднего сиденья «Кайсоку» послышалось хихиканье профессора.

Ефремов бережно перенес автомобиль на два шага влево и поставил на землю. Руки дрожали, пальцы мелко пульсировали, словно под слабым напряжением.

– Ы-ы... – только и смог выдавить хозяин машины, не решаясь сесть за руль.

– Исполнено, – отрапортовал Ефремов, неуверенно морща лоб.

– Вот видите, как все здорово получилось, – расплылся в улыбке Гадюкин. – Мой вам, батенька, завет – продолжайте в том же духе и не останавливайтесь на достигнутом!

– Хорошо, профессор. Хотя я не совсем понимаю, как у меня это вышло.

– Всего лишь не совсем? Да вы счастливец, батенька. Я эту хренотень вообще не понимаю.

– А...

– Но ведь работает же! – удовлетворенно закончил Гадюкин.

Ефремов молча уселся обратно в машину. Конечно, работает. У профессора всегда все работает. Чаще всего – непонятно как.

Но работает.

– Э... – повернулся к Ефремову водитель «Кайсоку». – Мужики, это... а это что вообще было?

– А это, батенька, правнук Жаботинского! – гордо указал на Ефремова Гадюкин. – Штангист-тяжеловес! Тренируется, понимаете ли, таким образом, к олимпиаде готовится!

– Ни ху... ух... То-то я гляжу, здоровый какой... А ты что, тренер его?

– Точно так! – закивал профессор. – Так что, батенька, когда поедет-то уже?

Водитель беспрекословно утопил педаль газа. Гадюкин развернул эль-планшетку, несколько минут возился в ней, ни на что не отвлекаясь, а потом резко чиркнул ногтем и произнес:

– Подведем итог, Георгий Павлович. Использовать свой максимум в обычных условиях у вас пока что не получается. Не хватает вам, понимаете ли... мнэ-э... понимания. Такие вот пироги. Однако в критической ситуации вы справляетесь с этим лучше. Почему? А потому что не думаете в этот момент о том, что делаемое вами – невозможно. И таким образом преодолеваете барьер, существующий в вашем сознании.

– И что же мне с этим делать? – тихо спросил Ефремов.

Гадюкин задумался, потирая подбородок. Не поворачиваясь к испытуемому, он открыл в эль-планшетке ежедневник и отстучал заметку для памяти: *«Создать для Е. критическую ситуацию. Лучшие несколько»*.

Немного подумав, профессор добавил еще одну заметку: *«Забрать из прачечной белье»*.

Вдоль шоссе потянулись здания. Машина въехала в московский пригород.

Москва за последние тридцать лет разрослась необычайно. Количество населения достигло четырнадцати миллионов и продолжает увеличиваться. Во все стороны протянулись щупальца пригородов. Наземный транспорт и метро уже плохо справляются с пассажиропотоками – к счастью, в последнее время часть нагрузки взяли на себя автолеты. Эти летающие машины пока еще относительно редки, но с каждым годом их число увеличивается – уж очень удобным оказалось передвигаться по воздуху. На крышах все чаще появляются специальные стоянки.

Гадюкин с интересом смотрел по сторонам. Он не каждый день выбирался из стен НИИ «Пандора». Было время, когда профессора вообще никуда не выпускали – держали на положении «дорогого пленника». Однако он категорически протестовал против такого обращения, с легкостью ускользал из-под охраны, устраивал разного рода пакости и в конце концов довел тогдашнего начбега до увольнения. Пришедший ему на смену Эдуард Степанович отнесся к ситуации

философски и предоставил Гадюкину свободу передвижения.

Хотя с наблюдения все равно не снял. Куда бы профессор ни отправлялся, за ним незаметно следовали телохранители, а на одежде сидели гроздь «жучков». Гадюкин это, разумеется, мгновенно просекал и радостно хихикал. «Жучки» уже через несколько минут лишались своих электронных мозгов, а наблюдатели бесследно теряли объект. Эдуард Степанович хмурился и придумывал новый способ охранять профессора. А тот, соответственно, сводил его усилия на нет.

Повоевав так около года, стороны заключили мир. Точнее, Эдуард Степанович вынужденно капитулировал – гений Гадюкина сводил на нет все его усилия. Пришлось ему оставить профессора в покое.

И именно это решило все проблемы. При отсутствии препятствий Гадюкину стало скучно, и он почти перестал покидать институт. Теперь единственными его прогулками стали вылазки в ближайший лес за грибами.

– Пожар, – меланхолично произнес водитель, глядя в левое окно.

Действительно, дорогу перегородили две пожарные машины. Еще несколько стояли с другой стороны. Из окон высотного здания вырывались клубы дыма, вокруг сгрудилась толпа.

Гадюкина это ужасно заинтересовало. Он не глядя сунул водителю купюру и выскочил на мостовую, едва не попав под

колеса. Ефремов вышел следом.

– Смотрите-ка, батенька, пожар! – оживленно произнес Гадюкин, показывая пальцем.

– Действительно, пожар, – согласился Ефремов.

Огонь разгорелся на двадцать восьмом этаже и быстро распространялся во всех направлениях. Лестницы туда не дотягивались, пожарные шланги не доставали. Стены и перекрытия уже начали обваливаться.

– Назад, назад! – покрикивали полицейские в оцеплении. – Близо не подходить, людям не мешать!

Пожарные и спасатели трудились не покладая рук. Здание уже полностью эвакуировали, погорельцы толпились снаружи. У машин «Скорой» выстроились очереди.

Вдалеке послышался стрекот. Гадюкин горделиво подбоченился – узнал по звуку свои детища. Могучие «Дедалы» – multifunctional спасательные вертолеты, созданные по спецзаказу МЧС. Их уже успели по достоинству оценить и в тайге, и на море, и за полярным кругом.

На пожаре они тоже показывали себя с самой лучшей стороны. Винтокрылые машины закружили вокруг небоскреба, из-под днищ выдвинулись изгибающиеся шланги – и по бушующему пламени хлестнули белые пенящиеся струи.

– Похоже, тут мы с вами лишние, батенька... – с плохо скрываемой досадой произнес Гадюкин, глядя на трудящихся пожарных.

Из распахнутых дверей подъезда выбежали двое спасате-

лей в масках, таща под руки возмущенную старушку. Внутри уже все заволочло дымом.

– Принимайте! – выдохнул один, передавая спасенную медикам. – Кремень бабка – ни в какую открывать не хотела, грозилась ментов вызвать!

– И вызову!.. – прошамкала старушка, грозя спасителям кулачком.

– Последняя? – устало спросил врач. – Никого больше?..

– Никого.

Но тут из толпы зевак выдавилась встревоженная женщина. Не тратя зря времени, она попыталась прорваться через оцепление – однако была вежливо остановлена. Тогда женщина ринулась к старшему спасателю.

– Где моя дочь?! – громогласно потребовала ответа она.

– Вы кто? – задал встречный вопрос спасатель. – Вы из этого дома?

– Из этого! Где моя дочь?!

– А где вы ее оставили?

– Вы что – тупой?! – взвизгнула женщина. – Дома! В квартире! Я буквально на пять минут уходила!

– Пожар начался больше получаса назад...

– Прекратите надо мной издеваться! Где моя дочь?!

– Из квартир мы всех вывели. Сколько девочке лет?

– Шесть!

– Андрей, у тебя там непристроенные есть? – повысил голос спасатель. – Девочка, шесть лет!

– Нет! – крикнул помощник. – Один пацан, десять лет!

Спасатель резко посерьезнел. Он коснулся переговорника и заговорил:

– Первая бригада, в доме ребенок. Этаж, квартира? – обратился он уже к женщине.

– Двадцать девятый, триста сорок восьмая!

– Двадцать девятый, триста сорок восьмая.

Выслушав сообщение, спасатель торопливо сказал женщине:

– Триста сорок восьмая была заперта снаружи. На звонки и стук реакции не было.

– Конечно, не было! Я не разрешаю Танечке подходить к двери, когда она одна!

– Ясно. Первая бригада, нужно вернуться на двадцать девятый. Срочно.

Слушая ответ, старший спасатель все больше мрачнел. Невооруженным глазом видно, что прорваться в этот пылающий ад будет очень сложно. Да и времени это займет немало – лифты отключены, а из-за дыма на лестнице ни черта не видно.

– Где моя... – начала было женщина.

– Мы сделаем, что сможем, – перебил ее спасатель. – Андрей, иди сюда!

Пока старшина отдавал приказы, его лицо было неподвижным, как камень. Подобный случай – из худших. Времени половина двенадцатого – многие квартиры пустуют.

Взрослые на работе, дети в школе. Если на звонки и стук будет хоть какая-то реакция – самый слабый шорох! – дверь обязательно выломают.

Но если никакой реакции нет... то квартира пуста.

Почти наверняка.

Гадюкин слышал разговор от начала до конца. И улыбка на его лице становилась все шире. Он довольно потер ладони, повернулся к Ефремову и вполголоса скомандовал:

– Майор Ефремов! Спасти человека!

– Принято! – коротко ответил суперсолдат.

Еще не закончив слова, Ефремов стартовал. Он промчался вперед, резко оттолкнулся от земли и взмыл в воздух, перемахивая оцепление, как конь барьер.

За спиной раздались пораженные возгласы. Но Ефремов их уже не слышал. Он с разбега взлетел на стену и с удивительной скоростью принялся карабкаться вверх. Пальцы рук и ступни работали с частотой отбойных молотков, вонзаясь в бетон, словно в мягкий творог. Золотые электроды в мозгу ускорили мышление до предела, температура тела поднялась до сорока четырех градусов.

Подбрасывая себя все выше и выше, Ефремов уже через полминуты достиг нужного этажа. Не обращая внимания на языки пламени, проект «Титан» мгновенно вычислил нужное окно и влетел туда, с размаху круша стекло. Осколки вонзились в кожу, но крови не выступило ни капли. Вживленная сеть из дюрасплава уберегла Ефремова лучше всяко-

го бронезилета.

Выпрямившись во весь рост, майор окинул помещение быстрым взглядом. Огня пока нет, но пол горячий. Этажом ниже все полыхает.

Барабанные перепонки в ушах напряглись, отсеивая все лишние звуки. Ефремов две секунды простоял неподвижно, прислушиваясь к происходящему в квартире, а потом метнулся в коридор.

Оказавшись там, он вырвал с петлями дверцу шкафа и встретился взглядом со сжавшейся в комок девочкой. Та что-то неразборчиво пискнула и плотно зажмурила глаза.

Ефремов наклонил голову набок, замерев на какое-то мгновение. Потом отчетливо произнес, стараясь говорить как можно мягче:

– Не бойся. Я отведу тебя к маме.

– Я не хочу, я боюсь!.. – замотала головой девочка, уткнув лицо в меховую шубу.

– Не бойся, – снова повторил Ефремов, молниеносными движениями заворачивая девочку в шубу. Та не успела даже пикнуть.

Крепко прижав получившийся кулек к груди, Ефремов одним прыжком подлетел к входной двери. Однако взявшись за ручку, он остановился. Та оказалась раскаленной. Глянув на покрасневшую кожу, Ефремов подумал, что в одиночку он прошел бы этим путем без труда. Но девочка может пострадать.

Он вернулся к разбитому окну и посмотрел вниз. Без малого сто метров. Усовершенствованное тело сверхчеловека останется целым, если упадет с такой высоты, но обычный человек разобьется вдребезги. Даже если Ефремов приземлится на ноги, держа девочку на руках, та все равно получит серьезные травмы. Вполне возможно, что несовместимые с жизнью.

Спускаться по стене, как и поднимался, будет слишком рискованным. Руки заняты хрупким грузом. Надо искать другой путь.

В окно упал луч вертолетного прожектора. Комок в руках Ефремова задержался, оттуда послышался сдавленный писк. Взгляд майора остановился на здание напротив. На каменном лице ничего не отразилось. Только зрачки в глазах чуть заметно расширились. Ефремов принял решение.

Он аккуратно высвободил голову девочки – та жадно принялась дышать – и негромко спросил:

– Как тебя зовут?

– Мне нельзя говорить с незнакомыми, – насупилась девочка. Страх из голоса успел исчезнуть, его сменили недоверие и настороженность.

– Меня зовут Георгий Павлович Ефремов, – сказал майор серьезным голосом. – А тебя как?

– Вика...

– Значит, теперь мы знакомы. Теперь тебе можно со мной говорить.

– Правда?..

– Конечно. Слушай, Вика, в доме пожар. Ты понимаешь, что такое пожар?

– Мне что, два годика?.. – насмешливо фыркнула шестилетняя девочка.

– Прости. Конечно, понимаешь, ты ведь уже взрослая. В доме пожар, и мы не можем выйти.

– Ключи у мамы...

– Не в этом дело. Снаружи слишком жарко. Из окна тоже нельзя – вы живете слишком высоко. Поэтому мы пойдем другим путем.

– А вы пожарник, да?..

– Нет. Пожарные там, на улице. Я спасатель. И мне сейчас нужна твоя помощь.

– Какая? – проявила легкий интерес Вика.

– Я понесу тебя на спине. Мне нужно, чтобы ты держалась как можно крепче. Если ты мне в этом поможешь, через десять минут я передам тебя твоей маме.

Вика на несколько секунд задумалась, обдумывая все возможные варианты, а потом важно кивнула. Ефремов тоже кивнул и выпустил спасаемую из кулька.

Присев на корточки, Ефремов помог Вике забраться себе на спину. Та обвила шею майора руками.

– Держись очень крепко, – повторил Ефремов, не двигаясь с места. – И зажмурься.

– Зачем?

– Чтобы дымом не разъело. Мы пойдем через очень дымное место.

Вика крепко зажмурилась. Не то чтобы ей этого хотелось, но она только вчера на себе убедилась, как может щипать глаза шампунь. Если дым щиплет так же противно, то лучше послушаться этого странного дядьку.

Ефремов вылез из окна. Теперь он двигался удивительно плавно и аккуратно, без единого рывка. Вика сидела на спине молча, внутренне недоумевая – когда же они куда-нибудь пойдут? Ей казалось, что Ефремов стоит на одном месте, только слегка покачивается из стороны в сторону.

Майор не полез вниз. Слишком велико расстояние, слишком рискованно преодолевать его с хрупким грузом. Он полез наверх. Двадцать девятый этаж – предпоследний. Всего несколько метров по гладкой стене, и Ефремов уже стоит на крыше, придерживая Вику за ноги.

– Теперь я прыгну, – негромко произнес он. – Не пугайся.

– У-у... – невнятно пробормотала девочка.

Ефремов прошелся по парапету, ограждающему крышу. Остановился на самом краю и внимательно посмотрел на противоположное здание.

А потом ринулся вперед.

Снизу донеслось многоголосое «ааааааах!..». Пронесшийся со скоростью гоночного автомобиля майор оторвался от гладкого бетона и полетел вперед. На спине истошно завопила Вика – девочка не выдержала напряжения и таки

открыла глаза.

Полет продлился четыре секунды. Сердце бухнуло несколько раз... и снова забилося ровно. Ефремов стоял на крыше противоположного дома.

Он совершил семидесятиметровый прыжок.

Когда майор наконец спустился вниз, Вику пришлось отдирать от него силой. Она изо всех своих силенок сдавливала шею Ефремова и ожесточенно сопела.

– Исполнено, – выдохнул майор, обмякая всем телом.

Счастливая мать не сказала ему ни слова. Она только посмотрела на него взглядом Горгоны, схватила Вику за руку и торопливо ушла.

Разумеется, Ефремова мгновенно обступили со всех сторон. Старшина спасателей орал, как бешеный, что-то выкрикивали подоспевшие журналисты. Полиция также проявила интерес.

Эти, правда, оставили героического майора в покое, увидев «корочки» Гадюкина. Даже отогнали любопытствующих и предложили отвезти домой.

– Представьте, пожалуйста! – летели вслед крики возбужденных репортеров. – Как вас зовут? Кто вы такой?

Один самый шустрый таки сумел просочиться между дюжими омовцами, ткнул Ефремову в лицо микрофон и жадно спросил:

– Как вы сумели совершить подобное?!

Ефремов на миг замедлил шаг, поймал взглядом усмешку

Гадюкина и ответил:

– Вычеркнул слово «невозможно».

Новая метла по-новому метет

Гадюкин сунул в пакет очередной масленок и улыбнулся. Собирая грибы, он всегда чувствовал внутреннее умиротворение. Прохладный утренний воздух, еще не высохшая роса на траве – что может быть приятнее?

Сейчас он – профессор, действительный член Российской академии наук, член-корреспондент множества иностранных академий, лауреат бесчисленных премий за научные достижения – ничуть не похож на уважаемого ученого. Просто добродушного вида старичок – в рваном трико, засаленной майке, старых прорезиненных шлепанцах.

Не профессор, а престарелый бомжик.

Эль-планшетка тихонько пискнула. Напоминание о том, что пора возвращаться в институт. Отдых – вещь нужная, но о работе забывать тоже не следует. В лабораториях профессора дожидаются проекты «Гелиос» и «Посейдон», «Атлант» и «Прометей», «Керкоп» и «Тифон», «Цирцея» и «Эол», «Оберон» и «Зигфрид». Греческой мифологии уже стало не хватать, поэтому Гадюкин все чаще обращался к наследию кельтов и германцев.

Следующими планировалось освоить индийские легенды. – Медленно ракеты уплывают вдаль, встречи с ними ты уже не жди... – замурлыкал себе под нос профессор, с любовью глядя на собранные грибы.

Коридоры НИИ «Пандора» встретили своего научного руководителя обычной тишиной и запахом хлорки. Гадюкин показал охраннику вместо пропуска плитку гематогена, отнес пакет с грибами в свой кабинет и на ходу спросил у секретарши:

– Что-нибудь новенькое было, Милочка?

– Ничего особенного, – пожалала плечами та. – В актовом зале сейчас общее собрание.

– По какому поводу?

– Знакомство с новым директором.

– Новым директором?.. – замер Гадюкин. – Каким еще новым директором? Мила, душенька моя, вы ничего не перепутали?

Секретарша надула огромный пузырь из жвачки и помотала головой. Гадюкин недовольно нахмурился и как есть – в трико, майке, шлепанцах – ринулся в актовый зал.

Он ворвался туда уже под конец собрания. Грузный мужчина лет пятидесяти неспешно заканчивал выступление:

– ...и я надеюсь, что наш дружный коллектив...

– Вы, батенька, кто такой будете, и чего здесь забыли? – донеслось из прохода.

Гадюкин произнес это совсем негромко, но услышали его все.

Его всегда все слышали.

– Кхм, кхм?.. – вежливо покашлял оратор. – Вы, товарищ, простите, сами кто такой будете? Из технического персона-

ла?..

– Я что, похож на уборщика?

– Похож.

– А я не уборщик, батенька! – хитро прищурился Гадюкин. – Совсем-совсем не уборщик! Я, представьте себе, самый настоящий профессор!

– Тогда представьтесь, пожалуйста, а то мы с вами, получается, еще незнакомы.

– Аристарх Митрофанович.

– Я спрашиваю не про имя-отчество, а про фамилию. Я всех называю по фамилии.

– Фамилия моя Гадюкин.

– Гадюкин, Гадюкин... – порывшись в эль-планшетке оратор. – Есть Гадюкин. О?.. Тот самый Гадюкин?..

– Вполне возможно.

– Ну что ж, Гадюкин, будем знакомы. Моя фамилия Ушкин. Евгений Борисович Ушкин. Я ваш новый директор. Надеюсь, мы с вами сработаемся.

– Какой еще директор? Ничего про это не знаю. Меня никто не предупреждал. Доказательства у вас есть, что вы директор?

– Вот все бумаги, – показал папку Ушкин. – Если хотите, можете ознакомиться. Возглавить ваш институт меня уполномочил лично товарищ Байкалов.

– А это кто еще такой?

– Дмитрий Байкалов, президент Российской Федерации, –

терпеливо объяснил Ушкин.

– Я за него не голосовал, – возмутился Гадюкин. – Я протестую. Я буду жаловаться.

– Жаловаться?.. Кому?

– Президенту.

– Жалуйтесь.

Возмущенно сопя, Гадюкин уселся на свободное место в заднем ряду и раскрыл эль-планшетку.

– Черти что! – вслух произнес он, не особенно заботясь о тишине. – Они там совсем очумели в своем Кремле! Вечно наприсылают черт знает кого, а мы тут расхлебывай!

– Какие будут приказания, профессор? – осведомился сидящий рядом Ефремов.

– Пока никаких, батенька... – вздохнул Гадюкин. – Ваши способности тут не помогут...

Новый директор закончил приветственную речь и объявил собрание закрытым. Ученые академики потянулись к выходу. На лицах было написано недовольство – оторвали от работы, от исследований, и все ради какой-то ерунды.

– Гадюкин, не могли бы вы подойти ко мне? – попросил Ушкин, копаясь в эль-планшетке.

– А не могли бы вы сами подойти ко мне? – прищурился профессор, не делая ни единого движения.

– Гадюкин, ну вот к чему эти капризы? Что вы, право, как маленький? Я вас чем-то обидел?

Профессор всем своим видом продемонстрировал, что

еще как обидел. Директор подождал несколько секунд, а потом сухо произнес:

– Гадюкин, немедленно подойдите сюда, или вы уволены.

– Да-а?.. – с интересом переспросил профессор, ковыряясь в ухе. – Уволен?.. Правда, что ли?..

Ушкин плотно сжал губы. Разумеется, он изучал личные дела всех сотрудников. В НИИ «Пандора» немало маститых ученых – талантливых, даже гениальных – но Гадюкин затмевает их всех, как солнце – звезды. Ему даже из страны выезжать не разрешают – слишком велика стратегическая ценность.

Попробуй-ка уволь такого...

– А-а-а!.. – демонстративно зевнул профессор, поднимаясь на ноги. – Скучно мне тут. Пойду лучше к себе, поработаю до обеда.

– Гадюкин! – крикнул Ушкин. – Гадюкин, не смейте уходить! Гадюкин, вы меня слышите?!

– Слышу, слышу... – хмыкнул профессор, выходя за дверь. – Георгий Палыч, пойдёмте, покажу, сколько я грибочков собрал!

Ефремов послушно двинулся следом. Выходя из зала, он обернулся, и на каменном лице сверхчеловека промелькнуло виноватое выражение. Ефремов считал неправильным, что профессор так открыто плюет на начальство, пользуясь своим привилегированным положением.

Ушкин остался барабанить пальцами по кафедре. Ему

стало ясно, что методом кнута тут не справиться. У него нет ни одного рычага давления на Гадюкина.

Уволить его нельзя – да он этого и не боится. Штрафы и урезание оклада тоже не помогут – если верить личному делу профессора, на его банковском счету лежит столько, что хватит до конца жизни. Ему принадлежит целая куча патентов.

Да и вообще Гадюкин ничуть не интересуется такой приземленной материей, как деньги. А если б интересовался – давно бы стал миллиардером.

Значит, придется применять пряник. Налаживать хорошие отношения. Постараться, чтобы этот капризный гений увидел в новом директоре друга, а не врага.

Вот только Ушкин понятия не имел, с чего начать. Он не привык умасливать собственных подчиненных – это они его обычно умасливали. На прежнем месте работы незаменимых не было – всегда можно было одних уволить, других нанять.

И сейчас, когда взбунтовался некто незаменимый...

Немного подумав, Ушкин раскрыл эль-планшетку и запросил самое полное досье на профессора Гадюкина. Вся информация, какая только есть. Наверняка где-то должно скрываться что-то такое, что можно будет использовать в качестве рычага давления...

Аристарх Митрофанович Гадюкин моргнул, переключая канал. Курсор на экране, послушный движению зрачка, пе-

ребежал влево, прилипая к меню.

Телевизор профессор смотрел редко и только от большой скуки. Да и что там можно смотреть, кроме новостей и рекламы? Хотя выбор, конечно, внушительный. Семьсот шестьдесят девять каналов – и это только русскоязычных. Гадюкин сменял их с частотой секундомера, со скукой поглядывая на мерцающий экран.

На пару минут вниманием профессора завладела французская комедия. Популярный актер Франсуа ле Кинес суетливо бегал по экрану, выкрикивая что-то невразумительное. Гадюкин некоторое время пытался уловить нить происходящего, но потом сдался и переключил канал.

Там шел молодежный телесериал – «Ох уж эти девки!». Это удержало внимание Гадюкина несколько дольше. Сам сериал его не заинтересовал, но актриса, играющая главную роль, заставила оценивающе цокнуть языком. Такую реакцию вызвала опять же не сама девушка, а великолепная работа ее хирурга. Гадюкин сразу распознал руку мастера.

За последние годы спрос на таких изрядно возрос – пластическая хирургия стала таким же распространенным явлением, как косметика. В моду вошло увеличивать себе все подряд – губы, грудь, ягодицы. А благодаря новым сверхлегким видам силикона стали возможными поистине гигантские размеры.

Взять хоть эту актрису – размер груди у нее... скорее всего, седьмой. Или даже восьмой. Однако весят эти арбузы

чуть побольше воздушных шариков. А ведь это далеко не предел – на экранах все чаще можно увидеть такое, что раньше встречалось только в кунсткамерах.

Зевнув от скуки, профессор снова переключил канал. Там показывали «Дом-2». Эта замечательная передача идет уже сорок лет и заканчиваться пока что не собирается. Сколько поколений российских кинозрителей с ней выросли, сколько ведущих и участников уже сменилось...

А дом все никак не достроят.

Окончательно разочаровавшись в передачах для взрослых, Гадюкин решил занять себя чем-нибудь детское. Канал «Никелодеон» его не заинтересовал – там шла очередная серия популярнейшего мультфильма «Веселые приключения мальчика-гея».

Вместо этого профессор предпочел посмотреть отечественные «Спокойной ночи, малыши». Старое название уже давно не соответствует истине – сейчас эта классическая передача имеет собственный канал и идет круглые сутки, без перерывов.

Да и вообще она сильно изменилась с тех пор, как Гадюкин был ребенком...

«Заткнись, гребаный кролик!» – рявкнул с экрана Хрюша, размахивая тесаком. – «Че, не слышал, че сказал?! Ща получишь, урод ушастый! Замочу, сука!»

– Нет, все-таки раньше эта передача как-то добрее была... – задумчиво произнес Гадюкин. – Или это мне просто

кажется?..

– Профессор, можно к вам? – постучал в косяк Ушкин. – У вас дверь открыта.

– Знаю, батенька, это ведь я сам ее и открыл, – радушно улыбнулся Гадюкин. – Заходите, заходите. О, гляжу, с Леликом вы уже познакомились?

– Познакомился. Как его фамилия?

– Угру! – рыкнул великан, с подозрением косясь на Ушкина. – Гыбым!

– У Лелика фамилии, как таковой, нет, батенька, – добродушно объяснил Гадюкин. – Он у нас как бы найденыш, понимаете?

– Не понимаю. Почему о данном сотруднике так мало сведений, Гадюкин? Кто он вообще такой и откуда взялся? В его деле это не отражено. В нем вообще почти ничего не отражено.

– Мелочи, мелочи... – отмахнулся профессор. – Вы ко мне по делу, батенька, или как?

– А вы сейчас чем-то заняты?

– Ничем. Телевизор смотрю.

– «Спокойной ночи, малыши»? – удивился Ушкин. – Но это же детская передача.

– У вас есть предложение получше?

– Ну посмотрите футбол, например. Если не ошибаюсь, сейчас как раз должен идти полуфинал за кубок...

– Футбол?.. – перебил Ушкина Гадюкин, иронически

вздергивая брови. – Вы это всерьез?..

– А почему бы нет?

– Батенька, вы всерьез предлагаете мне наблюдать, как двадцать два ярко выраженных дегенерата гоняют по полю мячик?.. Благодарю покорно, оставьте это убогое зрелище пациентам Кащенко.

– А вы, Гадюкин, большой ретроград, не так ли?

– Вообще-то полностью наоборот, – любезно ответил профессор. – Я новатор до мозга костей. Меня интересует будущее и только будущее. А футбол – это прошлое. Еще немного, и он отомрет, как бесполезный орган. Все признаки налицо.

– Ну я бы так не сказал... – усомнился Ушкин. – Впрочем, давайте оставим эту тему. Я не особенно увлекаюсь спортом.

– А чаем вы увлекаетесь? – встал с дивана Гадюкин. – Чаек у меня просто восхитительный, эвкалиптовый. Лелик, будь добр, завари нам свеженького. Евгений Борисович у нас в институте всего на денек – надо хоть чайком его напоить...

Ушкин вздохнул, потирая кончик уса. Разговор начался вполне мирно, и он уже начал думать, что Гадюкин утихомирится. Но судя по последней реплике, принимать Ушкина в качестве нового директора он по-прежнему не желает.

Прямо как ребенок, отказывающийся называть отчима «папой».

– Знаете, Гадюкин, вам ведь все-таки рано или поздно придется это принять, – спокойно прознес Ушкин. – Я на

этом посту планирую обосноваться надолго. Ваш институт – очень перспективное место, способное принести немалую пользу государству... да и всему миру.

– Он и приносит, – согласился Гадюкин. – Еще как приносит. Не извольте сомневаться, батенька.

– Я и не сомневаюсь. Но мне кажется совершенно очевидным, что вам не хватает должного руководства. В данный момент вы, уж извините за грубое выражение, болтаетесь тут, как говно в проруби. Делаете, что хотите, занимаетесь, чем хотите... и иногда выдаете потрясающие результаты. Но с должным руководством вы могли бы выдавать их намного чаще, понимаете? Так почему бы нам не начать сотрудничать?

– Вы в самом деле думаете, что под чьим-то там руководством я буду работать лучше? – ехидно прищурился Гадюкин. – Да вы, батенька, фантазер...

– Не под чьим-то там, а под моим.

– А вы что, считаете себя кем-то особенным?

– Нет. А вы? – внимательно посмотрел на Гадюкина Ушкин.

– Я тоже не считаю вас кем-то особенным.

– Нет, я спрашиваю, считаете ли вы кем-то особенным себя?

Профессор вкрадчиво улыбнулся.

– Чему улыбаетесь, Гадюкин?

– Забавную вещь вы сейчас сказали, батенька... Впрочем,

ладно, оставим это. Предупреждаю вас сразу – какие бы вы там планы ни строили насчет меня и этого института, лучше сразу о них забудьте. Забудьте и не вспоминайте. У нас тут и раньше бывали директора. А теперь нету.

– Есть.

– Нету, – с нажимом повторил Гадюкин. – Нету у нас никаких директоров. Нам и без них неплохо живется. Может, вас сюда поставил и президент, но знаете... каждый президент – по сути своей временщик. Приходит, а потом уходит. А я остаюсь. Я в этом институте тружусь со дня его создания. А до этого работал в его предшественнике. Вы, наверное, о нем и не слышали, то учреждение было еще секретнее этого...

– Поверьте, я слышал о базе «Гея». У меня высокий уровень допуска, Гадюкин. У меня тут полное досье и на вас, и на всех остальных сотрудников – кто, где, когда, сколько...

– А на Лелика тоже полное досье? – хитро прищурился профессор.

– На Лелика... на Лелика нет, – неохотно признал Ушкин. – Этот ваш Лелик – настоящая дыра в отчетности. Ни фамилии, ни даты рождения, ни официальной должности – ничего. Может, все-таки расскажете, откуда он такой взялся?

– И не просите, не расскажу. Если хотите, сами у него спросите.

– Бымбррра! – прорычал Лелик, подавая чай. Ушкин смеялся ему кислому взглядом.

Чай у профессора действительно оказался превосходный. Потянув носом дивный аромат и невольно расплывшись в улыбке, Ушкин произнес:

– Кажется, я понял, в чем ваша проблема, Гадюкин. У вас комплекс Наполеона. Вы слишком привыкли к своей исключительности.

Гадюкин неопределенно пожал плечами, кладя в чашку ломтик лимона.

– Не отрицайте, не отрицайте, – потряс пальцем Ушкин.

– Да я и не отрицаю.

– Ага. Значит, вы с этим согласны?

– Не согласен. Но и не отрицаю.

Ушкин допил чай и откинулся на стуле, рассматривая помещение. Странное место. С одной стороны жилое – диван, видеоэкран, гардеробный шкаф, столик с чайными принадлежностями, – а с другой стороны рабочее – лабораторный стол, заваленный деталями верстак, тихо гудящая машина, похожая на мусоросжигатель...

– Так это здесь вы, значит, и работаете, Гадюкин? – задумчиво произнес он.

– Здесь, батенька, здесь. Здесь я работаю, здесь же и живу. Мне так удобнее. А вас что-то не устраивает?

– Да нет, отчего же... – поднялся на ноги грузный директор. – У вас тут, я гляжу, много всякого интересного... Вот это вот что за агрегат у вас гудит?

– Трансмодификатор материи. Не трогайте его, батенька,

он еще не закончен.

– Ясно... А это что за странная штуковина?

– Попрошу не обзывать, – холодно произнесла штуковина, рассматривая Ушкина механическими глазами.

– Это, батенька, Альберт, – дружелюбно пояснил Гадюкин. – Искусственный мозг. Вы его плохими словами не называйте, он у меня чувствительный.

– Ясно, ясно... – покивал Ушкин. – А это что за ящерка в аквариуме?

– Это, батенька, Годзилла! Помните, как в фильме?

– Хм... помнить-то помню, но разве он не должен быть побольше?

– Маленький еще просто. Подождите, со временем вырастет – и вот тогда-то мы похохочем...

Ушкин рассеянно затеребил кончик уса. В другое время он с большим интересом осмотрел бы диковинную лабораторию, но сейчас его волновало другое. Вопросы он задавал только чтобы потянуть время, придумывая аргументы для упрямого профессора.

И тут его выручил посетитель. Секретарша Мила крикнула из приемного отделения:

– Аристарх Митрофаныч, к вам Эдуард Степаныч!

– Пусть заходит, Мила, пусть заходит! – радушно воскликнул Гадюкин. – Эдуарду Степанычу я всегда рад, ему и без стука можно! Что ж вы это в приемной-то мнетесь, батенька? – обратился он уже к Эдуарду Степановичу, вошед-

шему в лабораторию.

– Просто у вас уже есть посетитель, профессор, – спокойно ответил главбезд, жуя бутерброд с тресковой икрой. – Я могу и подождать.

– Не нужно, не нужно и еще раз не нужно! – замахал руками Гадюкин. – Тем более, что Евгений Борисович уже уходит. До свидания, Евгений Борисович. Хотя более верным словом тут будет «прощайте». Прощайте, Евгений Борисович.

Не обращая внимания на ерничанье профессора, Ушкин подошел к Эдуарду Степановичу, протягивая руку. Тот какое-то мгновение промедлил, а затем ответил на рукопожатие.

– Добрый день, товарищ, – произнес Ушкин. – Кажется, с вами мы еще незнакомы.

– А вы, полагаю, наш новый директор? – уточнил Эдуард Степанович, пристально рассматривая собеседника. – Мне о вас уже доложили.

– Да-да, все именно так. Вы, я так понимаю, в этом заведении отвечаете за безопасность? Особист, так сказать?

– Да. Хотя я предпочитаю называться главой службы безопасности.

– Непринципиально. Как ваша фамилия?

– Меня зовут Эдуард Степанович.

– Я не про имя-отчество спрашивал, – поморщился Ушкин. – Про фамилию. Я всех называю по фамилии.

– А меня все называют по имени-отчеству.

– А я всех называю по фамилии, – с нажимом произнес Ушкин. – И не вижу причин делать для вас исключение. Так, у меня тут где-то были записаны фамилии всех сотрудников... ага, нашел. Так вот, Милый, исключений я вам делать не собираю... э?.. Милый?..

– Чем могу помочь? – холодно откликнулся главбезд.

– Так значит, ваша фамилия Милый?.. – проямлил Ушкин.

– Да. Что-то не так?

– Да нет, что вы, все в порядке... Фамилии всякие бывают... Я вот, помнится, в институте знал одного человечка по фамилии Пукнул... латыш, кажется. Ударение там ставилось на второй слог, но все невольно ставили на первый. Вот уж кому и в самом деле не повезло с фамилией...

– Какое отношение эта занимательная история имеет ко мне? – сухо поинтересовался Эдуард Степанович.

– Совершенно никакого, простите. Вы не расстраивайтесь, дурацкие фамилии часто встречаются!

– Я и не расстраиваюсь.

– И хорошо! И правильно! Буду рад с вами сотрудничать, Пукнул... блл-л-л!.. извиняюсь. Буду рад с вами сотрудничать, Милый... знаете, Эдуард Степанович, давайте я вас лучше буду называть по имени-отчеству.

– Меня все так называют, – сухо ответил Эдуард Степанович.

– Да... так будет лучше... – неохотно согласился Ушкин.

Воцарилось неловкое молчание. Директор не знал, что говорить, а главбез выжидательно смотрел на него, явно не собираясь протягивать руку помощи.

Что же до Гадюкина, то он давно позабыл о своих гостях, и увлеченно играл с Леликом в шахматы.

– Гры! – осклабился ассистент, ставя шах. – Ангын дзань!

– Все-таки мне хотелось бы знать, откуда этот Лелик взялся, – недовольно поморщился Ушкин. – Эдуард Степанович, вы не знаете?

Тот неопределенно пожал плечами. Он знал. Он отлично знал. Но он пообещал профессору никогда никому об этом не рассказывать.

– А вы по какой части будете, товарищ директор? – поинтересовался Эдуард Степанович. – По научной? Или из военных?

– Да нет, я лицо сугубо гражданское... – рассеянно ответил Ушкин. – Административная работа в основном. К руководящим постам мне не привыкать, не волнуйтесь.

– Я не волнуюсь. Мне по должности волноваться не положено. Как вам наш институт?

– Я пока мало что видел. С чего советуете начать ознакомление?

– С выхода! – крикнул Гадюкин. – Лелик, покажи Евгению Борисовичу выход!

– А-а! – поднял громадную ручищу Лелик. – Ыха ам!

– Что он сказал? – нервозно покосился на него Ушкин.

– Он сказал, что выход там, – перевел Эдуард Степанович. – Профессор, а вы чем сегодня планируете заниматься?

– Ничем... – пропел Гадюкин, покачивая в руке ладью. – Ничем, батенька... Я планирую ничем не заниматься, пока дорогой наш Евгений Борисович не покинет эти стены...

Ушкин недоверчиво посмотрел на профессора. Сначала ему показалось, что это шутка. В личном деле Гадюкина записано, что он любит шутки и розыгрыши.

Но нет. Нет, ничего подобного. На лице маститого ученого играет улыбка, но глаза совершенно серьезны. Тот и в самом деле вознамерился объявить новому директору бойкот. И совершенно очевидно, что если перед вышестоящим начальством встанет выбор между Ушкиным и Гадюкиным...

– Вы этого не сделаете, – нахмурился директор. – Вы этого не сделаете, Гадюкин.

– Еще как сделаю, батенька. Уже делаю. Обещаю, что не слезу с этого дивана, пока вы не слезете с должности. У меня персональная забастовка.

Эдуард Степанович многозначительно хмыкнул. Ему стало любопытно, как Ушкин из этого выпутается. В НИИ «Пандора» всякому известно, что уж если профессор Гадюкин уперся рогом, с места его не сдвинуть.

– Значит, вы хотите по-плохому, Гадюкин? – задумчиво произнес Ушкин. – По-хорошему у нас никак не выйдет?

– Не выйдет. Никак. Ни по-хорошему, ни по-плохому.

– Я очень разочарован в вас, Гадюкин. До этого дня я считал вас великим ученым. А вы, оказывается, довольно-таки мелочный склочник с манией величия.

– Это исключительно ваше мнение, батенька.

– Это не только мое мнение, – развернул эль-планшетку Ушкин. – Вот здесь у меня имеется мнение доктора Бейрнштейна...

Гадюкин мгновенно утратил свой барственный вид. Он дернулся так, словно его ударили током. На лице проступило обеспокоенное выражение.

– Симптомы... диагноз... – начал листать файл директор. – Неприятная вырисовывается картина, Гадюкин. Вот я гляжу, и коллеги доктора Бейрнштейна пришли к тому же выводу... доктор Хайнович... доктор Шавлакадзе... доктор Убартас... доктор Ким... доктор Ахмедов... целое созвездие светил от психиатрии. Некоторые, правда, уже покойные.

– Я бы на вашем месте не смотрел на эту дурацкую бумажку, – как-то очень суетливо произнес Гадюкин. – Этому заключению уже... сколько там?..

– Тридцать восемь лет. Но оно по-прежнему в силе. И согласно ему вы, Гадюкин, являетесь сумасшедшим.

– Чушь! – вспыхнул профессор. – Почему это я сумасшедший?!

– Гадюкин, вы же дважды пытались взорвать планету, – покачал головой Ушкин.

– Исключительно ради торжества науки!

Эдуард Степанович кашлянул в кулак, с иронией поглядывая на профессора. Тот уставился на свои пальцы, словно желая убедиться, что их по-прежнему десять.

Помолчав несколько секунд, Гадюкин неохотно признал:

– Ну может быть я в тот раз и погорячился... немного...

– Немного?..

– Немного! Самую малость! Я был молод!.. моложе, чем сейчас! Но побуждения у меня были самые что ни на есть благие! Где бы мы были, если бы не научно-технический прогресс?!

– Полагаю, там же, где и сейчас, – пожал плечами Ушкин. – Разве что в руках у меня была бы не эта компьютерная штукovina, а папка с бумагами. Или, может быть, даже пергаментный свиток.

– И кто из нас после этого ретроград, батенька? – прищурился Гадюкин. – Если бы все рассуждали так, как вы, мы бы все еще жили в каменном веке!

– А если бы все рассуждали так, как вы, мы бы давно уже перестали жить, – заметил Ушкин. – Давайте заканчивать этот балаган. У меня на руках документы, подтверждающие вашу психическую неполноценность. И если вы сейчас же не прекратите чудить, я дам им ход. У меня на то есть все полномочия.

– Грязно играете, батенька, – процедил Гадюкин.

– Вы сами меня вынудили. Поверьте, я не хотел к этому

прибегать.

Гадюкин вяло поднялся с дивана, развернул эль-планшетку и включил микрофон.

– Пятое марта две тысячи сорок пятого года, – сухо произнес он. – Проект «Цирцея», стадия предварительного тестирования.

– Это означает, что ваша забастовка подошла к концу? – поинтересовался Ушкин.

– Правильно поняли, батенька. Я чем-то еще могу вам помочь?

– Ничем. Благодарю за сотрудничество.

Директор коротко кивнул и вышел из лаборатории. А Эдуард Степанович задержался. Он внимательно посмотрел на Гадюкина и спросил:

– Ну и как он вам, профессор?

– Приемлемая кандидатура, – добродушно улыбнулся Гадюкин. – Тестирование прошел с блеском. Думаю, мы с ним сработаемся.

Гигантский боевой робот

По воскресеньям в научно-исследовательском институте «Пандора» довольно тихо. Даже в секретном правительственном учреждении сложно обойтись без выходных.

Хотя эксперименты в свое время проводились.

Эдуард Степанович шагал по белоснежному, пахнущему хлоркой коридору, что-то негромко говоря в микрофон, торчащий на верхней губе жирной родинкой. Вторая точно такая же была прилеплена в ушной раковине – и сейчас из нее лился вкрадчивый голос, принадлежащий второму человеку в стране. Некоторые даже считают его первым – в конце концов, президенты регулярно меняются, а Старик по-прежнему на посту. Все давно сбились со счета, сколько лет он уже занимает должность... да и сколько лет ему самому, никто уже точно не уверен.

– Да, – коротко отвечал Эдуард Степанович. – Понял вас. Сделаем. Обеспечим. Проследим. Да.

Так он подошел к двери, на которой висела табличка «А. М. Гадюкин». На прошлой неделе ее обили превосходным дерматинотом орехового цвета – любо-дорого поглядеть.

Секретарша Милочка сегодня отсутствовала. Вместо нее за столом восседало нескладное создание, похожее на металлическое огородное пугало. Тонкие конечности-палки, такое же туловище, вместо головы коробка из стекловидного мате-

риала со светящимся экраном на ней. Перед диковинным созданием лежала шахматная доска – его безглазое лицо пристально смотрело на фигуры, а тонкие пальцы методично постукивали по столу.

– Доброе утро, Альберт, – кивнул Эдуард Степанович, разворачивая бутерброд с треской. – Профессор у себя?

– Конечно, – рассеянно ответил робот. – Занимается... не знаю чем. Мне все равно. Я занят. Я уже третий час не могу решить шахматную задачу.

Эдуард Степанович тоже посмотрел на доску. Не такая уж и сложная задача. Король ходит на f8, а дальше все очевидно. Однако разум Альберта, несмотря на искусственное происхождение, ничем не превосходит человеческий – и с шахматами у него упорно не складывается.

Профессор Гадюкин стоял перед грифельной доской, изучая написанные на ней уравнения. Когда в кабинет вошел Эдуард Степанович, Гадюкин с задумчивым видом рассуждал:

– Теперь будем сокращать... Так, это на хер, это на хер, и это тоже на хер отсюда... И что мы имеем в остатке?..

– Что это вы делаете, профессор? – с любопытством спросил особист.

– Разрабатываю новую теорию квантовой недостаточности.

– И как успехи?

– Фигня какая-то получается, батенька! – пожаловался Га-

дюкин.

– В таком случае, может быть, вас заинтересует новый правительственный заказ?

– Давайте-давайте, батенька, подкиньте мне интересную задачку! – потер руки Гадюкин.

Австралопитекоподобный Лелик принес Гадюкину и его гостю эвкалиптовый чай и неразборчиво что-то прорычал. Профессор подул в чашку, отхлебнул дымящуюся жидкость и с наслаждением зажмурился. Эдуард Степанович дожеввал бутерброд и развернул следующий, с маслом и вареньем. Кроме того он включил эль-планшетку, растянув экран на добрых полметра.

– Взгляните на эти чертежи, профессор, – попросил он. – Что скажете?

– Это разрабатывали не мы, – сразу заявил Гадюкин, бросив короткий взгляд. – Я бы знал.

– Совершенно верно, это работа наших иностранных коллег.

– Америка?.. Япония?.. Гвинея-Бисау?..

– Это...

– Впрочем, не говорите, я уже понял, – перебил особиста Гадюкин. – Знакомый почерк. Ое, верно?

– Он принимал в этом участие, – уклончиво ответил Эдуард Степанович. – Эти чертежи мы получили... ну, сами догадываетесь, как мы их получили. Ни для кого не секрет, что наши отношения с... некоторыми державами в послед-

нее время оставляют желать лучшего. Думать о худшем варианте не хочется, но готовыми к нему быть надо, согласны со мной? В частности, этот проект...

– Хотите, чтобы я построил такую штуку? – с полуслова догадался Гадюкин. – Не получится.

– У вас – и не получится? – удивился Эдуард Степанович.

– По этим чертежам – не получится. Хрень собачья это, а не чертежи.

– Хотите сказать, они неполные? – озадаченно нахмурился Эдуард Степанович.

– Хочу сказать, они идиотские, – насмешливо прищурился Гадюкин. – Одно из двух, батенька – либо вам втюхали липу, причем довольно грубую, либо наши иностранные коллеги жиденько сходили под себя. В любом случае действующую машину по этим чертежам собрать не удастся.

Эдуард Степанович посмотрел на экран внимательнее. Ничего особенного он там не увидел – чертежи как чертежи, на взгляд неспециалиста выглядят очень убедительно. Но ему не единожды доводилось убедиться, что Гадюкин слов на ветер не бросает.

– Впрочем, я могу спроектировать все сам, – добродушно улыбнулся Гадюкин. – Назовем это, скажем... проект «Атлант». Как вам?

– Название вполне подходящее, – согласился Эдуард Степанович. – Когда планируете начать, профессор?

– Спросите лучше, когда я планирую закончить... – за-

думчиво ответил Гадюкин. Он уже был поглощен мыслями.

Работы начались на следующий день. Гадюкин собрал команду и принялся бурно импровизировать. Половину времени он проводил в конструкторском бюро, половину – в сборочном цеху. И его производство медленно, но верно увеличивалось в размерах.

– А зачем оно вообще такое нужно, Аристарх Митрофаныч? – поинтересовался как-то профессор Отрубьянников.

– Это уж им в Кремле виднее, батенька, – рассеянно ответил Гадюкин. – Я так думаю, границы охранять будет. Или президентскую дачу. Мало ли мест, где может пригодиться гигантский боевой робот?

– К слову об этом – что вы думаете о инциденте в Зимбабве?

– Я далек от политической суеты, батенька. Что там у них случилось? Разворовали правительственный банановый фонд?.. Застукали президента за поеданием практикантки?.. Министр финансов наступил на хвост спикеру?..

– А вы что, в самом деле не слышали, Аристарх Митрофаныч? – удивился Отрубьянников.

– А?.. Что?.. Вы что-то сказали, батенька?.. – откликнулся откуда-то издалека Гадюкин.

Он уже не слушал.

На исходе четвертого месяца проект «Атлант» вошел в завершающую фазу. Профессор Гадюкин уже потирал руки, предвкушая грандиозный успех. С каждым днем гигантский

боевой робот все ближе подходил к финалу.

На объект периодически приезжали высокопоставленные лица. Даже сам президент однажды навестил детище Гадюкина, милостиво кивнул и сделал важное лицо. Профессор предложил задавать вопросы – президент ненадолго задумался, а потом спросил, сколько времени.

– Десять минут второго, – любезно ответил Гадюкин. – Но вы более полезные вопросы задавайте, батенька. Про робота меня спрашивайте, про робота!

– Да-да, совершенно верно... – вальяжно пробасил президент. – Скажите, профессор, а почему ваш робот человекоподобен? Разве не удобнее было бы сделать машину на гусеничном ходу, с пушками... ну, вроде самоуправляемого танка?

– Наоборот, так гораздо удобнее! – оживился Гадюкин. – Лелик, датчики!

Ассистент сноровисто обмотал профессора какими-то проводами и реле. Гадюкин демонстративно вытянул руку в сторону – и гигантская, еще не законченная фигура робота в точности повторила жест.

– Видите, батенька? – потер руки Гадюкин – робот тоже потер громадные ладони. – Управление дистанционное. Я двигаю ногами – и робот точно так же двигает ногами. Я бью кулаком – и робот бьет кулаком. Водитель может находиться хоть за тридевять земель от места действия, а робот будет все повторять за ним. Реагирует мгновенно.

– А действовать самостоятельно он не может? – нахмурился президент.

– Очень даже может, батенька! Сейчас мы создаем для него интеллектуальную матрицу, которая позволит роботу действовать совершенно самостоятельно! Очень будет удобно: захотел – управляй роботом собственноручно, захотел – дай ему свободу действий! Как захотите, так и будет!

Президент снова милостиво кивнул и похлопал Гадюкина по плечу. Тот в ответ потыкал президента пальцем в живот.

Наконец наступил день сдачи проекта. Профессор Гадюкин стоял довольный, в своем лучшем выходном костюме и даже при галстукe. Его румяное лицо лучилось гордостью за свое творение.

Публики в сборочном цеху собралось немного. Никаких журналистов, не говоря уж о простых зеваках – только ответственные лица. Конструкторы робота, высшие военные чины, кое-кто из президентской администрации. Все смотрели на сорокаметровую металлическую фигуру, выглядящую карикатурным подобием человека.

– Броня крепка, и танки наши быстры... – промурлыкал лукаво шурящийся Гадюкин. – Что, батенька, можно начинать демонстрацию?

– Начинайте, профессор, – разрешил президент.

Гадюкин встал за пульт и с торжественным видом натянул обмотанные проводами перчатки. Профессор медленно поднял ногу – и гигантский боевой робот сошел со своей плат-

формы.

– Он живой, он живой!.. – воодушевленно провозгласил Гадюкин. – Всегда хотел это сказать.

– Бур-га ар-га-гы, Ху-Га! – напомнил Лелик.

– А почему бы мне не сказать это еще раз? – пожал плечами Гадюкин.

Двигался гигантский боевой робот хорошо. Аккуратно переставлял ноги, поднимал и опускал руки, поворачивал голову, разглядывая все вокруг. Его круглые глаза светились желтым светом, точно огромные фонари.

– Мне это нравится! – воодушевленно произнес президент.

– Кстати, если не секрет – где вы планируете это использовать? – невзначай поинтересовался Гадюкин.

– Если робот хорошо себя покажет... – задумался президент. – Найдем применение, профессор, уж не сомневайтесь. Слышали вот – наши заграничные друзья пытались таких сделать, да не вышло...

– Не вышло? – цокнул языком Гадюкин.

– Да вот, такие дела. Не заработал он у них. А у нас зато теперь такие роботы будут... И не один, не два, а тысячи! У нас будут, а у них нет... Это открывает очень интересные перспективы... – мечтательно прищурился президент.

– Тысячи, говорите? – хмыкнул Гадюкин. – Замечательно как.

– И не говорите. Кстати, мы будем продолжать demonstra-

цию?

– Да-да, конечно. Смотрите внимательно, теперь мы покажем... – начал Гадюкин.

Он осекся. Гигантский боевой робот неожиданно взмахнул рукой. Взмахнул резко, одним движением снося бетонную опору. Люди закричали, подались назад, на Гадюкине скрестились возмущенные взгляды.

– Что за дурацкие шутки, профессор?! – крикнул Эдуард Степанович.

Гадюкин неестественно улыбнулся. Он ничего не делал. Его творение действовало самостоятельно, никак не реагируя на сигналы с пульта управления.

Пытаясь понять, что происходит не так, Гадюкин раскрыл экран эль-планшетки и принялся разворачивать все новые окна. Он исступленно молотил по виртклаву, со скоростью света проверяя и перепроверя программный код. Интуиция подсказывала ему, что ошибка закралась именно туда – в интеллектуальную матрицу.

Тем временем гигантская железяка словно приняла какое-то решение. Не обращая внимания на зрителей, она размашистыми шагами двинулась вперед – к бетонной стене. Промедлив какой-то миг, гигантский боевой робот отнес обе руки назад и со страшной силой выкинул их вперед.

Взметнулось белое облако, заставившее всех закашляться. А когда пыль осела, все увидели зияющий в стене пролом... и ничего больше.

Гигантский боевой робот ушел.

Эдуард Степанович покачал головой. Ему многое хотелось сказать о Гадюкине и его выкрутасах, но он сдержался. Сейчас куда важнее разобраться с проблемой, а не выяснять, кто виноват.

Хотя всем очевидно, что виноват Гадюкин. По его вине в НИИ «Пандора» уже не раз случались взрывы, пожары и нашествия хомяков. Теперь он добавил в свою коллекцию еще и взбунтовавшегося робота – ну что ж, со всяким случается.

Уже через несколько минут в воздух поднялся ЛТ-42. Огромный вертолет с девяти винтах быстро нагнал шагающего по дороге робота и завис у него над головой. Привлеченный шумом, робот посмотрел вверх и... подпрыгнул.

Пилот сдавленно матюгнулся, вытягивая штурвал до упора. Железный гигант взмахнул лапищей так, словно отбивал волейбольный мяч. Чуть-чуть выше – и вертолет получил бы удар, сравнимый с прямым попаданием ракеты.

Робот двигался в сторону городской черты. На шоссе уже началась кутерьма – встречные машины круто разворачивались и мчались обратно, спеша унести колеса от этой громадины. По счастью, робот пока что не обращал внимания на суету под ногами.

– Что вы собираетесь с этим делать, профессор? – поинтересовался Эдуард Степанович.

– Да ничего – просто подождем денька два, и у робота сядет аккумулятор.

– Денька два?.. Профессор, Москва не может ждать денька два.

– А что с ней станется-то? – пожал плечами Гадюкин. – Вооружения у робота никакого нет, боевые программы не установлены...

– Тогда что он сейчас делает? – перебил его Эдуард Степанович.

– Просто действует согласно стандартной интеллектуальной матрице. Базовые двигательные функции, поведение сообразно ситуации... представьте, что это просто гуляющий по столице провинциал. Турист.

– Турист сорока метров ростом?.. Не пойдет, профессор. Придумайте что-нибудь другое.

– А давайте запустим ракеты и взорвем его к едрене фене! – оживленно предложил Гадюкин.

– Профессор, мы не можем применять тяжелое оружие рядом с Москвой.

– Ошибаетесь, батенька, можем! Просто вы почему-то не хотите.

– Силовые методы применять нельзя, профессор. Неужели у вас нет какой-нибудь кнопки экстренного отключения или чего-нибудь в таком роде?

– Есть, конечно.

– Ну так нажмите ее!

– Первым делом нажал. Не работает она, батенька! – похвастался Гадюкин.

– И что же тогда делать?

– А что тут можно сделать? Ждать вы не хотите, ракеты запускать не хотите... на вас не угодишь!

А робот действительно вел себя подобно целеустремленному туристу. Он не буянил, ничего не ломал, а просто шагал себе по шоссе, вертел головой и разве что не жевал хот-дог. Его металлическое лицо, не имеющее ни носа, ни рта, каким-то образом ухитрилось выражать живой интерес. Кажется, роботу нравилось гулять по столице Российской Федерации.

Гадюкин разговаривал с кем-то по телефону. Эдуард Степанович тоже разговаривал – причем с восемью людьми одновременно. Да и разговор получался несколько односторонний – семь из восьми голосов хором орали на Эдуарда Степановича, требуя немедленно исправить ситуацию.

Но что он мог сделать?

Через десять минут робот пересек МКАД и пошел дальше. Профессор Гадюкин с интересом наблюдал за этим сверху. Пару лет назад он предлагал на рассмотрение проект «Троя» – непреодолимую крепостную стена вокруг всей Москвы. Даже гигантский боевой робот не сумел бы через нее перебраться. Однако правительство отнеслось к этой великолепной идее с прохладцей – ну и кто же им после этого виноват?

И вообще добрая половина гениальных задумок Гадюкина кладется под сукно из-за недалёковидности тупых по-

литиканов. Они отвергли его генетически улучшенных ядовитых пауков – а ведь те могли в считанные дни очистить Москву от тараканов, крыс, голубей, бродячих собак и нелегальных эмигрантов! Они отвергли крайне многообещающий проект «Антиахтунг» – президент, оказывается, все это время думал, что Гадюкин изобретает сверхмощный освежитель воздуха! Они отвергли даже эксперимент «Новолуние», хотя шанс взрыва составлял всего четыре процента!

Вот как можно продвигать науку, когда страной управляют идиоты?

Гигантский боевой робот продолжал идти. Двигался он неспешно, прогулочным шагом, но каждый его шаг покрывал метров двадцать, и скорость получалась сравнимая с быстро едущим автомобилем. Робот игнорировал пробки и светофоры, а потому уже через несколько минут впереди показалось Садовое кольцо.

Ничего особенно плохого робот не делал. Он не пытался что-либо ломать, ни на кого не нападал... нарочно. Тем не менее, каждый его шаг оставлял на мостовой заметный отпечаток, а многоэтажные здания ощутимо сотрясались. Провода, задетые громадными ручищами и ножищами, обвисали вареной лапшой, электрические столбы падали с жалобным стоном, то и дело хрустели раздавленные автомобили.

– Профессор, мы все-таки решили применить ракеты, – неохотно сообщил Эдуард Степанович. – Я только что получил «добро».

– Ага, засуетились они там у себя в Кремле! – радостно потер ладони Гадюкин. – Как увидели-то с балкончиков, кто к ним в гости топает, так сразу и ракеты разрешили, и президента в отставку отправили!

– Нет, президент по-прежнему на своей должности, – недоуменно возразил Эдуард Степанович.

– Жаль. Очень жаль. Ну что ж поделаешь, не все сразу. Давайте, батенька, стреляйте роботу аккурат в затылочек – у него там двигательный центр.

– Здесь мы этого делать не можем, – напомнил Эдуард Степанович. – Если ваше изобретение рухнет посреди улицы, будут большие неприятности.

– Какие еще неприятности? – поморщился Гадюкин.

– Он может разрушить близлежащие здания. Может обвалить мостовую и повредить систему коммуникаций. Под нами метро, между прочим. Я даже не говорю о проводах – их ваш робот и без того смахивает, как паутину.

– То есть его нужно отвести туда, где он может прилечь спокойно? – закончил Гадюкин. – Ладно, это я вам устрою. Майор Ефремов, вы готовы?

Все это время тихо сидевший в уголке Ефремов кивнул. Он молча встал и открыл люк. В кабину ворвался холодный ветер, все невольно поежились.

– Георгий Палыч, парашют-то наденьте! – вскинул брови Эдуард Степанович.

– К чертовой матери парашют, – коротко ответил Ефре-

мов, шагая в пустоту.

Несколько секунд все молча следили за летящей к земле фигурой, а потом она исчезла из виду. Эдуард Степанович неодобрительно покосился на Гадюкина – ему не верилось, что даже проект «Титан» останется в живых после такого падения.

– Майор Ефремов, как вы себя чувствуете? Вы меня слышите? – тем временем повторял Гадюкин.

Ефремов прекрасно его слышал. Он уже несся параллельно шагающему по мостовой роботу. Сверхчеловек работал локтями, словно пневматическими поршнями. Пара жилистых ног мелькала так, что казалась одним размытым пятном.

– Задача понятна? – въедливо спросил Гадюкин, изложив ситуацию. – Действуйте, батенька.

– Принято, – коротко ответил Ефремов.

Он резко оттолкнулся пятками и помчался еще быстрее. Сверхчеловек совершил гигантский прыжок, одним усилием взметнув себя на высоту пятиэтажного дома. Он зацепился за колено робота-исполина и принялся карабкаться по нему с упорством взбирающегося по стволу муравья. Уже через несколько секунд он достиг поясной части и двинулся выше, еще выше – к огромной металлической голове.

Но тут робот замер. Замер и Ефремов, решив, что его засекли. Однако гигант по-прежнему не обращал на него внимания – он смотрел вниз, на истерично воющий автомобиль.

В нем сработала сигнализация.

Робот раздумывал несколько мгновений, а затем неспешно наклонился и поднял машину тремя пальцами. Осторожно поднеся ее к уху, он издал рокошующий звук и оглушительно произнес:

– АЛЛО?

Эдуард Степанович пристально посмотрел на Гадюкина. Очень пристально, очень внимательно. Под этим взглядом профессор почувствовал себя чуточку неуютно и заерзал на сиденье.

– АЛЛО! – недоуменно говорил внизу робот. – АЛЛО, Я СЛУШАЮ!

Так и не дождавшись ответа, робот повел плечами и водрузил завывающий автомобиль на крышу ближайшего здания. Сделал он это очень мягко и аккуратно – так человек кладет на стол телефонную трубку.

– Профессор, вы сконструировали работа-дурачка? – тихо спросил Эдуард Степанович.

– А у вас на лацкане пятно от кетчупа, – сварливо ответил Гадюкин.

Эдуард Степанович послунывил палец и начал оттирать пятно. Пятно не оттиралось, Гадюкин тихо злорадствовал.

Ефремов тем временем вскарабкался роботу на плечо. Стоя там, он окинул взором улицу, мгновенно зафиксировав каждую деталь, каждое движение. Отметил, что ко многим окнам приникли лица, зато тротуары напрочь вымерли, не

говоря уж о мостовой.

Из вертолета за действиями сверхчеловека следили десятки глаз. Майор Ефремов – одно из лучших изобретений Гадюкина. Правда, повторять эксперимент профессор не спешил, а всех предложенных добровольцев забраковывал – мол, слабоват материал, не выдержит преобразования. Для такого эксперимента абы кто не годится, тут нужна совершенно уникальная особь...

Эдуард Степанович подозревал, что на самом деле Гадюкин просто не хочет создавать других сверхлюдей.

Ефремов тем временем приткой ящерицей прополз по виску робота и оказался у того прямо на «переносице». Гигант остановился, с явным изумлением уставившись на человечка. В металлической голове что-то заскрежетало, заурчало – не слишком сложный интеллект робота пытался совладать с нестандартной задачей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.